

Игра Реальностей. Джон

Вероника Мелан

Игра Реальностей

Вероника Мелан

ДЖОН

«Автор»

2015

Мелан В.

Джон / В. Мелан — «Автор», 2015 — (Игра Реальностей)

Вторая половина для Джона Сиблинга – возможно ли такое? Возможно, если за дело берется неугомонная Бернарда, решившая втихомолку отсканировать в будке «Моя вторая половина» отпечаток пальца представителя Комиссии. Каким будет ответ системы – да, нет, нет, да? Отобразит ли экран фотографию, покажет ли заветный адрес, и сойдутся ли в таком случае два совершенно противоположных друг другу характера? Ответ на этот вопрос уже на страницах нового романа «Игра Реальностей. Джон». Новые лекции Дрейка, постигающая тайны человеческого здоровья Дина, жадные до чужой ягоды Смешарики и нетерпеливо ждущий своего дня рождения Дэйн Эльконто – все это, а так же многое другое в новом романе из серии «Город».

© Мелан В., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Вероника Мелан

Джон

Глава 1

*«Разочарован будет ждущий.
И тот лишь одарен, кто ничего не ожидает».*

*«Посвящается тем, кто хочет понять»
(Луле Вишлма)*

*Рабочий полдень. Срочные дела.
Спешу по тротуарам вдоль дорог.
А осень наш перешагнув порог,
Вступила вновь в законные права.*

*Красивый многокрасочный ковёр
В гостиной по-хозяйски развернула,
Дождём звенящим лихо пыль смахнула,
На небе хитрый вышила узор.*

*И я, замедлив шаг, залюбовалась,
Свернула в сквер, притихший вдалеке,
В покрытом медью дивном уголке,
От восхищения даже растерялась.*

*Легла на лавку документов папка,
Звонки, вопросы тоже подождут.
Украив у спешки несколько минут,
Глаза закрыла, потянулась сладко.*

*Вдохнула горько-пряный аромат,
Лицо подставив солнечным ладошкам.
Мурлыча, словно ласковая кошка,
Счастливей, легче стала во сто крат.*

*Казалось очевидным, что сейчас
Из собранной под клёном листьев груды
Появится хохочущее чудо
И элегантно пригласит на вальс.*

*Наш день расчерчен лихо на отрезки,
На «надо», «должен», «сделать обещал».
Привычный совершаем ритуал,
Для изменений нужен повод веский.*

*Мы копим деньги, чувства про запас,
Порою календарь вперёд листаем,
В режиме ожидания пребываем,
А жизнь – она не «завтра», а «сейчас».*

(автор: Марина Яныкина)

Залог успешного дня – прекрасное утро.

И, чтобы утро стало прекрасным, по мнению большинства, требуется несколько факторов, сошедшихся, если повезет, воедино. Таких как (например): неторопливое пробуждение, пробивающийся сквозь занавески солнечный свет, доносящийся с улицы щебет птиц, запах чая (кофе / апельсинового сока), разливающийся по дому аромат любимого блюда, покой на сердце, отличное настроение и время, чтобы неспешно простроить самые что ни на есть грандиозные планы на день. А еще не помешает какая-нибудь отличная новость.

Я с большинством согласна.

Вот только понять, является ли мое утро прекрасным, не успела – помешал разметавшийся поперек лица пушистый кошачий хвост, зацепившаяся за волосы когтистая лапа, гомон у кровати «Не от-ры-вай!» и настойчивая, можно сказать, изводящая нервную систему, бесконечно дпящаяся трель дверного звонка.

И кто, простите, в здравом уме и с добрыми намерениями может так звонить?

Никто!

С постели я подлетела ракетой, то есть с фитилем в пятой точке, жжением в пятках и зудом в ладонях – кому бы захватить по физиономии? По возможности ласково отпихнула в сторону кота, отбросила одеяло, попыталась не споткнуться о Смешарики, которые облюбовали ковер у кровати, и, натянув шорты и длинную майку, понеслась открывать дверь.

Где Клэр? Почему не открыла она? И не проспала ли я занятие? У-у-у, где часы?!

Мда, не самые счастливые мысли, но у этого утра еще был шанс.

Ровно до того момента, пока я не распахнула входную дверь.

– Это ваши?! – заорал с порога сосед из дома по правую сторону забора от моего. – Ваши коты обожили мои кусты?! Да подчистую – можете себе представить?

– Какие кусты? – я растерянно захлопала ресницами.

– Мои кусты чарины!

Господи, прости, что такое чарина? И почему он приплел сюда моих котов?

– Не понимаю...

– Я тоже ничего не понимал, пока не вышел в сад и не увидел, что на том месте, где раньше висели спелые и сочные ягоды, остались лишь листья и голые ветки! Как вам это нравится? А ведь я специально не снимал плоды, любовался ими каждое утро – они прекрасно сочетались по цвету с растущими понизу Тигридиями!

Тигридиями? А почему не «медведиями» или «зайцаниями»? Это утро меня добьет...

Сосед, очевидно, был близорук – его глаза метали молнии за толстыми стеклами очков, – лоб хмурился, короткие волосы вились, серые брюки поверх клетчатой рубашки держали широкие подтяжки. Он чем-то напомнил мне долговязого одноклассника Михаила, ставшего впоследствии выпускником художественного училища в славном городе Красноярске.

Чем-чем? Очками на минус сорок.

Мда, тот стал художником, а этот, видимо, был ботаном.

– Почему вы решили, что вашу чернину...

– Чарину!

– ...обожили мои коты? При чем здесь вообще мои коты?

– При том, что я их видел! Серых, пушистых!

– Лазающих по деревьям?

И улыбающихся, как чеширские?

Гость на мгновение смутился. Задумался.

– Они... жрали мою ягоду! – не стал оспаривать беспочвенность собственных обвинений и вновь закричал он (точно: лучшая защита – это нападение). – И сожрали всю! На всех ветках!

– А вы собирались делать из нее варенье?

Хотелось потерять глаза, захлопнуть дверь и снова завалиться в постель. И куда, спрашивается, подевалась Клэр?

– Какое варенье! Чарина едва ли съедобна! Это декоративная ягода с крайне кислым вкусом, но прекрасно вписывающаяся, как садовый элемент, чтобы...

Чарина – черная малина? Хотелось завершить диалог.

– Простите, но у меня нет серых котов.

– А какие у вас?

– Один белый, второй рыжий. Рыжая.

– А грызуны есть?

– Грызунов нет.

– Покажите их!

– Кого? Отсутствующих грызунов?

– Котов! – потребовал сосед, и я не стала спорить.

Не покажешь – не уберется.

– Миша! – позвала ласково, как делала перед едой. – Миха-а-айло!

И белый пушистый кот неторопливо спустился по лестнице со второго этажа – вопросительно взглянул на меня, потом на гостя – в зеленых глазах читался вопрос: ну и где моя еда?

– Вот мой кот. Позвать второго?

– Черт, – выругались через порог, – черт! Я точно видел кого-то серого! Или коричневого. И не надо звать второго. А вы уверены, что у вас в доме нет других... питомцев?

Уверена ли я? В чем мне в этот самый момент действительно хотелось быть уверенной (ибо я уже начала догадываться о корнях свершившегося), так это в том, что мои щеки не полыхают предательским цветом вареной свеклы.

– Ни других котов. Ни собак. Ни грызунов и не птиц, – избежала прямой лжи я.

– А мне почему-то казалось, что они шмыгнули в сторону вашего дома, – теперь гость и вправду смутился. – Значит, не ваши. Простите. Я спрошу других соседей – тех, что слева. Или, может, через дорогу... Еще раз простите, если разбудил.

И он, поправляя на ходу подтяжки, которые сползли от резвого махания руками, пошел по дорожке.

Я же закрыла дверь и с хмурым и крайне решительным выражением лица направилась на второй этаж.

– Ну и где вы? Где, я спрашиваю?

Смешарики попрятались.

Проблема в том, что когда они прячутся, то могут притвориться чем угодно: вазами, кухонной утварью, полотенцами, дополнительными у двери тапками, букетами цветов или книгами – такова аморфная природа Фурий – перевоплощаться. Интересно, нельзя было перевоплотиться птицами, прежде чем жрать соседскую ягоду?

– А ну-ка идите ко мне! Искать вас сутками я не намерена. И чем лучше прячетесь, тем громче и дольше буду впоследствии ругаться!

Они выползли минуту спустя.

Нехотя. Из-под дивана.

Разговаривали мы на кухне у серебристого холодильника.

– Покажите язык. Кто-нибудь! Быстро!

Языки показались из маленьких ртов еще менее охотно, чем до того сами Смешарики. Черные, конечно же, языки.

– Все ясно. Ну и зачем, спрашивается?

Я хмурила свои тонкие брови, безнадежно силясь притвориться товарищем Сталиным.

Признаюсь, это сложно – смотреть Фуриям в золотистые глаза, когда те принимают виноватое выражение – эдакая невинная детсадовская группа во время пикника на природе. Мол, а мы чего? Мы же маленькие, нам все можно. Прозвучавший ответ растрогал меня еще больше.

– Лодные!

«Голодные».

– Ма атели ку-шать!

Я вздохнула; мгновенно пропал всякий гнев, даже напускной. Тем более что на столе рядом с раковиной обнаружилась записка следующего содержания:

«Ди, я поехала вместе с Антонио на студию – съемку передачи назначили на самое утро. Покорми, пожалуйста, как проснешься, Смешариков – ягоды для них я оставила в холодильнике. Они тебя будить, наверное, постесняются. Меня не теряй, скоро вернусь. Клэр».

Ягоды в холодильнике действительно обнаружились, и всякие разные – смесь из крыжовника, малины, черники и чего-то мне неизвестного на вид, но, видимо, вкусного.

Блин... Ну, как их ругать? Голодных питомцев, которые не коты, не собаки, не птицы и не грызуны?

– А зачем было к соседу в сад? Нельзя было залезть в наш собственный холодильник?

– Ни-зя-я-я... Лэр пре-щает.

Ах, Клэр запрещает! А к соседу, значит, можно.

– И что мы теперь будем делать? Как будем заглаживать вину?

Золотые глаза сделались из виноватых еще более расстроеными. И почему-то хитрыми.

– Дай ему ашу!

– Отдать ему вашу ягоду?

– Да. Аша куснее.

– Вот уж не сомневаюсь, – фыркнула я, – вот только представляю, что он обо мне подумает, если теперь я заявлюсь к нему на порог с мисками. Он-то растил какую-то чарину – ваша ему не нужна, хоть она и куснее.

И я выставила еду для Смешариков из холодильника на пол.

– Ешьте.

Детский сад. В самом деле, не наказывать же их?

– Только в сад к нему больше не лезьте и на глаза не попадайтесь.

Ответом мне служило счастливое хоровое чавканье.

А утро продолжало удивлять.

Ладно, я осталась без завтрака, Смешарики без своих ягод, а сосед без чарины, но почему на телефонный звонок не ответила Тайра? Перед школой мы обычно созванивались, и диалог всегда выходил одним и тем же:

– Привет, ты сегодня идешь?

– Ага!

– За тобой «зайти»?

В смысле: «забрать тебя методом телепорта до здания Реактора, чтобы быстрее?»

– Нет, я на велосипеде.

Тайра любила свой велосипед – новый, последней модели, подаренный Стивом, – но иногда все же соглашалась на мое предложение.

– Ясно, я не могла не спросить.

– Знаю.

На этом месте мы обе улыбались и пару секунд молчали.

– Тогда до встречи в школе!

– Уже бегу!

Все коротко и понятно. Сегодня не случилось и этого. Семьдесят гудков в пустоту и полное отсутствие ответа. Куда же она подевалась? Почему не позвонила заранее, не предупредила? Не заболела ли? Я волновалась.

Одевалась я хмурая, голодная, в полной тишине, в доме, где не было Клэр, – все наперекосок. Оставила котам корма, обулась во что-то в коридоре, и, продолжая думать о подруге, хлопнула дверь.

Новый день. Новое утро. Новое занятие.

Иногда мне казалось, что я прибыла в этот чудный город только вчера. Все так же разглядывала плитки под ногами, немногочисленные пока еще листья у тротуаров, величественные деревья, уютные особняки и ухоженные за витыми оградами клумбы. Все так же глубоко вдыхала прозрачный и чистый воздух знакомых улиц, с тем же, как в первый раз, упоением, наслаждалась видом нешироких аллей, втягивала долетающие из раскрытых окон ароматы, и заглядывала в них – в окна, – подглядывала за чужим счастьем. Не потому что мне не хватало собственного, а потому что это интересно – смотреть на лица, выхватывать моменты чужих будней, слышать обрывки не предназначенных для твоих ушей разговоров.

– Ореховый? Если испечешь ореховый, я не дождусь вечера.

– Кого, вы говорите, позвать? Нет, вы ошиблись номером...

– Линн, где мой галстук? Уже нашел, не ищи...

Чужая жизнь, чужие тайны, чужие хитросплетения судеб.

И объединивший всех Нордейл.

Удивительный город не похожий ни на один другой. С тем же ароматом выпечки, что стелется вдоль дорог – с тем же, но с другим. И чуть другим запахом кофе, чуть иными фасонами одежды и неизменной доброжелательностью на лицах жителей.

Иногда я задавалась вопросом, а не разлил ли чего волшебного в воздухе Дрейк, облюбовавший в качестве постоянного места жительства этот город? Не добавил ли в воду капельку Любви? Не рассыпал ли повсеместно искорки ожидаемого чуда, которое, кажется, вот-вот случится. И потому на душе хорошо, светло, спокойно. Где еще, как не в Нордейле, можно мечтать, но не страдать от отсутствия желаемого, делать, но не загонять себя, наслаждаться результатом своих трудов или же просто наслаждаться? Наслаждаться не чем-то особенным, а каждой минутой текущего дня.

Как я теперь.

Купленный на углу в пластиковом стаканчике кофе жег пальцы; слоеная булочка, покрытая шоколадом, таяла на языке; в воздухе, чем-то напоминая подводное царство, плыли тонкие белесые зонтики-щупальца – семена каких-то растений.

Сосед-ботан бы точно знал, каких.

От этой мысли я усмехнулась.

Ну и утречко получилось.

Конечно, можно было бы прыгнуть, если не в сам Реактор (на некоторых ошибках все-таки учатся), то хотя бы непосредственно к его входу, но я не стала этого делать по двум причинам: во-первых, не желала тратить силы понапрасну, а прыжки, так или иначе, отнимали львиную долю энергии, которую потом приходилось восполнять; во-вторых, банально хотелось размять ноги. К чему упускать возможность воочию увидеть еще одно утро своей жизни, если никуда не опаздываешь? А я не опаздывала – хоть в этом повезло.

Накануне, перед тем как уехать («Дина, этим вечером мне нужно отлучиться по важным делам на другой Уровень» – «Окей, без проблем»), Дрейк перенес время занятия с привычных восьми утра аж на десять, и потому теперь я бодрым шагом стаптывала подошвы любимых мокасин. Не стала обувать каблуки – красоваться перед представителями Комиссии не собиралась, а любимый в городе отсутствовал, – вертела головой, прихлебывала кофе и с интервалом в пять минут пыталась набрать номер Тайры – та не отвечала. Я даже попыталась позвонить доктору, но с таким же результатом, как и подруге – нулевым.

Куда же они все подевались?

Если кто и знал ответ на этот вопрос, то это Дрейк. И потому я поспешила вперед.

Незнакомый пустой кабинет, на стене экран, стол узкий, стул на одного. Почему попавшийся по пути Джон – заместитель Великого и Ужасного – уточнил, что мне сюда? Обычно мы занимались в другом «классе».

Тайра не появилась; экран не светился. До десяти оставалось несколько минут – я выложила на стол тетрадь для записей, разложила по цветам маркеры для подчеркивания, откинулась на удобную спинку стула и погрузилась в размышления.

Сколько я уже занимаюсь? Долго. Долго, а поток Знания бесконечный – он всегда разный и никогда не утомляет, потому что всегда несет в себе частичку чего-то важного и нужного, постепенно собирает сложный пазл устройства мироздания, позволяет прикоснуться к неведомому, далекому и по-настоящему прекрасному – основе постижения науки о зарождении жизни. О чем будем говорить сегодня? Всегда тайна, всегда предвкушение. И думать об этом – все равно, что гадать, какой из десертов тебе сегодня подадут к кофе, – никогда не угадаешь, но всегда останешься доволен.

Пока я философствовала, зажегся настенный телевизор, и с него на меня посмотрело до боли знакомое лицо.

Начальник. Дрейк. Любимый мужчина.

– Доброе утро, – улыбнулась я.

– Доброе. А у тебя оно точно доброе? – от взгляда с экрана ничего не укрылось.

– Точно, – во все детали вдаваться совершенно ни к чему, а вот один вопрос задать столу. – Только Тайра почему-то не отвечает. Не знаешь, где она?

– Знаю.

Он всегда все знал.

– Вчера я передал им со Стивом билеты на Кахоа, сообщил, что неплохо бы Тайре изучить высокогорные озера, присмотреться к местной энергетике. Там места силы, и ей понравится. Пусть побудут.

«А мне? Мне бы тоже понравилось – почему не вместе?» – кольнуло расстройство. Было бы здорово слетать на Кахоа вдвоем с Тайрой или же втроем (если я им не помешаю), но меня уже «отсекли». Чутьочку обидно, хотя вслух я этого говорить не стала.

– А надолго они?

– На пару недель.

Ничего себе. Две недели одиноких занятий? Наружу прорвался разочарованный вздох.

– А как же госпиталь без Стива?

– Я нашел ему временную замену.

Ну да, конечно. С Дрейком каждый раз заново приходилось привыкать к одному моменту: знать, что если тебя посетила некая дельная идея, то его эта идея посетила уже дважды или трижды. А то и раз триста, причем не накануне, а еще год назад. Трудно рядом с таким человеком чувствовать себя умным и особенным, но этот уникальный тип – Дрейк Дамиен-Ферно – умудрялся во мне это чувство пробуждать – ощущение собственного ума и «особенности». И спасибо ему за это.

Значит, две недели без Тайры – что ж, так тому и быть. Не прыгать же, в конце концов, за ними без спроса и не портить отдых? Позанимаюсь одна.

– Плюс, – будто прочел мои мысли виртуальный человек с экрана, – я решил, что пласт знаний, который мы затронем, начиная с сегодняшнего дня, тебе лучше начать постигать в одиночестве.

– Почему?

– Так он лучше и правильнее осядет внутри. Тебе предстоит проделать огромное количество внутренней работы, а Тайра будет сбивать тебя своим «видением» энергетики. Я хочу, чтобы до многих вещей ты дошла самостоятельно.

Как ни странно, я была не против. Тайра действительно умела многое видеть «внутренним вздором» и иногда по доброте душевной подсказывала мне верные ответы на вопросы, чем, по мнению Дрейка, замедляла мой образовательный «рост». А видеть, как могла видеть Тайра, у меня научиться пока не выходило – каждому свое.

– Хорошо, – я с любопытством подалась вперед и принялась крутить в пальцах ручку. – Так какой же пласт знания мы будем поднимать сегодня?

Серо-голубые глаза смотрели серьезно, но с хитринкой.

– Человеческие болезни и их причины.

«Ого», – выдохнула я мысленно.

– Как ты думаешь, Ди, почему люди болеют?

Каверзный вопрос длиною в жизнь.

Я задумалась.

– Потому что имеют физическое тело?

– Могли бы иметь и не болеть.

– Потому что вокруг находятся микробы, бактерии, вирусы, грибки и прочее, которые ничего хорошего не провоцируют?

– Тогда задам еще один вопрос: почему, находясь в одном и том же помещении, где есть вирус, один человек заболевает, а другой нет?

– Иммунитет?

– А от чего зависит иммунитет?

Эх, я не медик. И даже не студент-медик.

– От изначально заложенных физических данных? Передаваемой генетически иммунной устойчивости? Профилактики? Закалки?

– Закалки? Генной устойчивости? Бред.

В этом он весь – Дрейк. В своей очаровательной и непосредственной прямоте.

– То есть все, что я пока сказала, – бред?

– Практически, – он улыбнулся. – Да, в мире наличествуют вирусы и бактерии, но это не объясняет того факта, почему их попадание в один организм вызывает заболевание, а второму ровным счетом не наносит никакого вреда.

– Мы же уже сказали – иммунитет.

– Так от чего он зависит?

В кабинете повисла тишина – ответа на этот вопрос я попросту не знала и потому тупилась на собственные руки. Изредка поднимала глаза и снова их опускала – жест: помилуй, я не знаю.

С экрана улыбались.

Да, Дрейк. Загадочный Дрейк. Лицо без возраста, глаза без дна. В каждом серьезном слове есть доля шутки, в каждой шутке доля серьезности. Умеет подстроиться под каждого и остаться собой, умеет «опуститься» до твоего уровня, создав ощущение, что поднял тебя до своего. Как ему подобное удается?

А еще вызывал любопытство виднеющийся за его головой на экране фон: белая стена и кусок картины.

В Реакторе нет картин.

– А ты где сейчас находишься?

– Мы сейчас не об этом, не отвлекайся.

Да уж, не дадут сбиться с пути истинного.

– Лучше подумай вот о чем. Помимо физического тела существуют и невидимые – тонкие тела, так?

– Да, – но о них гораздо больше знала Тайра, нежели я. Я знала лишь теорию, она же видела их на практике.

– Какое из тонких тел лежит внутри физического и влияет на него непосредственно?

Вроде бы все на него влияют, даже те, которые лежат вне его контура, но я напрягла извилины.

– Астральное?

– Верно, астральное – тело эмоций. И к астральному же телу относится канальная система – механизм сплетения энергетических сосудов, распределяющих по физическому телу жизненную силу. Там же и местоположение чакровой системы – центров перераспределения.

Все страньше и страньше, сложнее и сложнее. Кажется, Дрейк рано поднял со мной эту тему – мои мозги уже тихо пухли. А «учитель» не замечал выражение лица «ученика-великомученика» – продолжал и продолжал:

– Так вот, Ди, ты практически уже получила ответ на главный вопрос – что влияет на физическое тело так, как ничто иное, если внутри физического лежит астральное?

– Эмоции?

– Верно!

Казалось, еще чуть-чуть, и он заплодирует – очередная иллюзия. Мерцающие серо-голубые глаза – мудрец, хитрый бес.

– А во что зачастую перерастают неконтролируемые или плохо контролируемые эмоции?

Я в который раз нырнула в недра собственного сознания за ответом и радостно выудила его на поверхность.

– Нервозность? Психологическую уязвимость? Стрессы?

– Умница! Стрессы!

Кажется, я только назвала кодовое слово этого занятия. Хорошо – стрессы. Но ведь все знают, что стрессы не помогают здоровью – что в этом нового? Отовсюду только и слышится: «Не нервничайте, не переживайте, не расстраивайтесь, меньше беспокойтесь...» Тогда почему мой собеседник так искренне и очевидно радуется? Верно, тут есть какой-то подвох. И большой. Не стал бы Великий и Ужасный начинать пустяковую тему, если бы в той не крылся великий смысл.

– Но ведь о стрессах все знают?

– Что знают?

– Ну, что они существуют и негативно влияют на здоровье.

– А как именно, знаешь?

– Негативно.

Я чувствовала себя блондинкой-идiotкой.

С экрана мягко улыбались. Эту улыбку я видела много раз и никогда не могла растолковать – иногда она появлялась в моменты нежности, иногда в моменты критики, иногда без всякой причины, но каждый раз многое в себе таила. Я же бесконечно дивилась тому, как Дрейку удастся оставаться для меня «знакомым и привычным» и в то же время всякий раз быть новым, непознанным. Нет, к этому человеку нельзя было привыкнуть ни за год, ни за десять лет.

– То есть не знаешь, – подвели итог.

Мои глаза стали такими же, как у Смешариков этим утром – крайне виноватыми.

– Поэтому я дам тебе одно задание. Сгоняй в свой мир...

Слово «сгоняй» рассмешило меня – кажется, я научила «плохому» всех в этом мире, притащив множество странных выражений из своего. И каждый раз, когда кто-то вворачивал непривычную здешнему слуху фразу, я не могла сдерживать улыбки (и краем сознания задумывалась о сдвиге истории в пространственно-временном континууме. Правда, ненадолго).

– ... и купи одну книгу. Ознакомься с ней хотя бы поверхностно, а лучше не поверхностно. У тебя на это будет пара дней.

– Говори название.

– Автор... – Дрейк принялся бороздить невидимые информационные просторы в поисках нужных данных – его брови нахмурились, между ними залегла морщинка. – ...Лувсан Гаваа. Название: «Традиционные и современные аспекты восточной рефлексотерапии».

Ого! Мелко не плаваем.

– А зачем мне рефлексотерапия?

– Прочитай, и все узнаешь.

Как обычно.

– А в этом мире схожих книг нет?

– Нет. Здесь, где не течет время, люди не так сильно торопятся познавать то, что лежало в древности. А ваша раса, в особенности китайская, передавала очень сложные и малодоступные теперь знания из поколения в поколение. И в этой книге содержится то, с чем я хотел бы, чтобы ты ознакомилась. Причем, изложено оно очень подробно и последовательно.

– Хорошо. Сделаю.

– Тебе не все сразу будет понятно, но за это не переживай, хорошо? Общая схема выстроится шаг за шагом.

– Угу.

Вот и закончилось, судя по всему, не очень длинное, но нагрузочное занятие этого дня. Прежде чем подняться со стула, я спросила.

– Дрейк, а когда ты вернешься домой?

Его уже кто-то отвлекал – я видела. Времени на ответы оставалось в обрез.

– Не думаю, что очень скоро, но заниматься будем каждый день. В следующий раз через день, как я сказал – из-за книги.

– Поняла. А где ты сейчас?

– На тридцатом Уровне. Здесь нужна корректировка положения места в пространстве, а так же уточнение контуров защитных полей – требуется мое присутствие. Достаточно энергоемкие процессы.

– А мне туда нельзя? Хоть на пару минут?...

Я уже знала ответ. Когда-то мне выдали разрешение на путешествия по Уровням, включая двадцать пятый, но попросили выше пятнадцатого пока не прыгать. И я не прыгала.

– Нет, Ди. Когда будет можно, я скажу.

Ну вот, опять «отсекли». Обиженные глаза маленькой Динки мелькнули и спрятались внутри.

– Значит, скоро не вернешься?

– Нет. Потребуется неделя или больше.

Сначала Тайра, теперь он; я подавила очередной вздох.

– Ди, мне пора бежать.

Его уже звали.

– Да, я вижу. Понимаю. Иди.

Перед тем, как изображение погасло, Дрейк адресовал мне теплый, будто ласковая рука погладила по щеке, взгляд. Я помахала ему рукой.

* * *

Вот я как знала, что не стоило от порога Реактора сразу прыгать домой, вот не стоило! Лучше бы я снова прогулялась пешком, лучше бы занялась длительным и продуктивным шопингом или же совершенно непродуктивно посидела в кафе – так нет же! Есть возможность, надо перенестись сразу в гостиную... – а та-а-ам!

Там, простите, воняло, как в запертом и полном протухшей капусты вагоне, – смачно, густо и совершенно невыносимо. Нет, когда я говорю невыносимо – это значит «невыносимо»! Без преуменьшений. Вниз по лестнице я бежала со слезящимися и одновременно выпученными глазами, заткнутым носом и красная от недостатка кислорода. Зацепилась за перила, забыла, что, наверное, нужно снова куда-нибудь «прыгнуть», запнулась за чью-то обувь у порога, на автомате удивилась тому, что дверь особняка нараспашку.

А за дверью у стены, поодаль от двери, уже стояла Клэр и обмахивалась снятым с вешалки ситцевым шарфом. Первым делом, остановившись рядом с ней, я шумно вдохнула, выдохнула и снова вдохнула. Попыталась продышаться, восстановить нормальный ритм работы легких и заодно избавиться от стоящего в носу и горле приторно-сладкого ужасного запаха, который и запахом-то назвать было щедро. Вонь! Самая настоящая вонь, как из помойки. В сто раз хуже!

– Это что... у нас там... такое случилось?

Кажется, я все еще была красной; в ушах грохотал собственный пульс. Противогаз! Почему у нас в доме нет противогазов?

– Это, – Клэр ехидно улыбнулась. Я только сейчас заметила, что она полностью одета – видимо, вернулась со съемок и, как и я, не смогла толком войти в дом, – наших Смешариков пучит. Скажи, ты чем их с утра кормила?

– Я? Да знаешь ли ты... – на этом месте я воровато оглянулась, не видать ли соседа у изгороди, и понизила голос, – что этим утром они обожрали соседские кусты – съели какую-то ягоду.

– Чужую ягоду?

– Да! Просто я очень долго спала, а они проголодались. Вылезли за изгородь и объели чужие кусты – меня разбудил звонок в дверь и гневный визит. Ты бы слышала, как он орал!

– Сосед? Он что, их видел?

– В том-то и дело! Он видел «что-то» или, точнее, «кого-то» – подумал, что это наши коты.

– Лазают по деревьям?

– Вот и я о чем.

– А какой именно ягодой они объелись?

– Какой-то чариной.

И в этот момент она – моя любимая и знакомая Клэр – расхохоталась так громко, что на ее затылке развалился скрученный валик, и темные волосы рассыпались по плечам.

– Чарину? Ой, не могу! Тогда сегодня мы нормально в дом войти не сможем. Нескоро точно.

– Да что же это за ягода такая?

– Ягода-то как ягода, только свойства у нее слабящие. Хорошо, если еще ковры не уде-лают...

– Ты что, серьезно?

Я снова выпучилась на экономку. А та смотрела на стоящие у ног сумки с продуктами, которые хорошо было бы занести в дом – сверху лежала мороженая, купленная для котов рыба.

Дверь мы оставили открытой, лишь прикрыли вход антикомариной сеткой, чтобы не вышли коты – когда в доме Фурии, грешно опасаться грабежей, – а сами договорились следующим образом: Клэр возьмет машину и отправится в особняк к Рену – разложит в чужом холодильнике скоропортящиеся продукты, побудет с Антонио, – я же пока «сгоняю», как выразился Дрейк, в свой мир за книгой. Все равно в следующие несколько часов нам придется кантоваться вне дома, так хоть проведем их с пользой. А когда вернемся, глядишь, все уже и выветрится. А нет, так куплю противогазы или временно выселю фурий на «житие-бытие» в сарай – в конце концов, провинившаяся сторона сегодня именно они.

Нет, злости не было. Было смешно и еще немного неловко – надо же, как уделались с незнакомой ягоды. Что ж, впредь мы все будем немного умнее.

* * *

Наш мир. Ленинск.

Стоящая под кроватью жестяная коробка из-под элитной чайной заварки запылелась; я провела пальцами по крышке, и лица нарисованной на ней пары на фоне Эйфелевой башни вновь расцвели и порозовели. Открыла замочек, взглянула на лежащие внутри деньги: рубли, доллары, евро и одну кредитную карту – мда, прямо как у Джеймса Бонда или какого бандюка. Для полной схожести не хватало лишь паспортов разных стран: в одном я – Дина Кочеткова, во втором – Ди Монтро, в третьем – Дэйзи Фернандес, в четвертом – Дайнара Жумумбаева...

Сидя в старой спальне, которая давно перестала быть спальней и превратилась в кладовую для маминых вещей, я улыбалась. Эту коробку я засунула под кровать несколько месяцев назад как раз для таких вот случаев, как сегодня, – когда спешно требуется что-то купить в родном мире, а времени на поиск средств попросту нет. Наменяла какое-то количество рублей на доллары и евро, часть денег положила на карту, часть оставила наличными. А то вдруг Дрейку вновь приспичит быстро перекинуть сюда парней из спецотряда – на что снимать временную квартиру? На что кормить? Во что одевать? Предусмотрительность – великая вещь, и сегодня я порадовалась ей вновь.

В двух книжных, которые я успела посетить часом ранее, указанной Начальником книги не нашлось – ответ везде звучал схоже:

– Издание старое, перевыпуска не было. Ее никто и не спрашивает, поэтому поищите лучше по объявлениям.

Этим я и занялась.

Включила старенький компьютер, мысленно поблагодарила мать за то, что та своевременно оплачивает интернет, и принялась бороздить сетевые просторы. Электронные магазины отменяла сразу – ждать доставки долго, – а вот «Авито» очень даже пригодился. Искомый талмуд нашелся в нескольких городах одновременно и стоил примерно от семисот до девятисот рублей за экземпляр – приемлемо. Осталось выбрать продавца.

В Москву и Питер прыгать не хотелось – если предложат встретиться у метро, найдутся ли фото? Не у Кремля же, в самом деле, проводить сделку? Нет, требовалось что-то знакомое – место, в котором я уже бывала и которое помнила; палец нетерпеливо завращал колесико мышки: Астрахань, Нижний Новгород, снова Москва, Ижевск, Казань, Новосибирск...

Новосибирск – а этот город я помнила, – не так давно путешествовала через местный вокзал. Хм, почему бы и нет?

На звонок ответили сразу:

– Здравствуйте, я бы хотела купить книгу, которую вы продаете. По восточной рефлексотерапии. Вы ее еще продаете?

Спустя минуту мы договорились о встрече.

В запасе сорок минут.

Бело-зеленые шторы на окнах, коричневый палас, многократно метеный веником, «пылесошенный» и тертый (в том числе и мной) сырой тряпкой; удобные, но уже порядком продавленные кресла. Убивая время, я сидела в одном из них. Ни о чем конкретном не думала – рассматривала сервант, книжные полки, стоящее в рамке фото, неизвестно кем подаренную в незапамятные времена тяжелую хрустальную вазу без цветов.

Здесь все пахло «мамой».

Когда-то это была «наша» квартира, теперь она принадлежала ей одной – целиком и полностью. Ни меня, ни дяди Толи. Я большую часть времени пребывала на Уровнях, отчим неизвестно где – ушел, когда у матери начался финансовый подъем, – не вынес того, что ему не позволили возвыситься за счет унижения женщины (кто из нас главный? Кто из нас мужик?) – обиделся и хлопнул дверью. Туда и дорога.

А мама...

Мама – удивительный человек. Да, она знала о мире Уровней, даже бывала там несколько раз (правда, в последний раз довольно давно), но не «двинулась» головой. Не попыталась тут же переселиться или моментально извлечь из нового знания выгоду, спокойно приняла тот факт, что ее дочь теперь живет в другом месте (тебе хорошо? Тогда и мне хорошо), какое-то время просила меня привозить из Нордейла одежду, довольно успешно продавала ее здесь, а потом... Потом уехала на дачу, точнее, тогда еще на голый, покрытый одной лишь травой и сорняками садовый участок. Накопила на постройку маленького деревянного домика, наняла бригаду, взялась за дело и вдруг внутренне успокоилась, стала совершенно счастлива. Вкладывала все свое время и силы в новое место – отдыхала на природе, дышала лесом, возилась с рассадой – и, как ни странно, пребывала в гармонии с самой собой.

Я за нее радовалась, хоть и не всегда понимала, как можно просто «подзабыть», что где-то есть другой мир – интересный, незнакомый, красочный? Но что-то держало ее здесь – может, родные места, а, может, бабушка или подруги? Старые знакомые, исхоженные дорожки, привычная уютная суета? Чувствуя ее умиротворение, я не лезла с глубоким анализом. Наверное, немолодому человеку проще «принять» новое, нежели захотеть этим «новым» воспользоваться.

Так вышло и с мамой. Теперь она редко появлялась в квартире, но часто пребывала за городом, где я ее и навещала – ее, и бабушку, которая, как ни странно, вдали от городской суеты ожила тоже.

И слава Богу. Все живы, все счастливы, и это главное.

Я посмотрела на часы – ух ты, двадцать пять минут незаметно улетели в небытие – пора на Новосибирский железнодорожный вокзал.

«Мегафон», «Связной», аптека «Мелодия Здоровья», кофейный киоск с огромной вертушкой в виде стакана сверху – иногда я не могла понять, скучаю я по всему этому или нет? По всему знакомому, потрепанному, российскому, побитому жизнью, пыльному, но по-своему благоухающему и цветущему? Наверное, в какой-то мере.

Толпы людей через перекресток, ряды похожих друг на друга, как близнецы, маршрутных такси, обратный отсчет на табло светофора, протяжные гудки поездов. Через дорогу здание вокзала и зев входа в метрополитен, за спиной ярко-желтая и покрытая потрескавшейся краской будка «Дяди Дёнера» – именно здесь, на остановке, мы и договорились встретиться с неким Андреем Михайловичем – «я буду в серых штанах, голубой рубашке и клетчатой кепке, а вы?»

А я стояла спиной к будке. Обычная я – в джинсах, бежевой блузке и с распущенными волосами – смотрела на то, как шумит большой сибирский город, вдыхала его, слушала, чувствовала. Любовалась деревьями, которые в конце августа еще стояли зелеными, но которых, будто пробуя собственные силы, уже потрогала пальчиком близкая осень – кое-где на берегах виднелись желтые пряди. Пока еще мало, еще почти незаметно.

– Здравствуйте, вы – Дина?

– Добрый день, – он появился чуть раньше – человек в кепке, – Андрей Михайлович?

– Он самый.

Тянуть мы не стали. Проверив содержимое увесистого пластикового пакета и убедившись, что приобретаю «то самое», я достала из кармана сложенную вдвое тысячу рублей, отдала ее продавцу и поблагодарила за скорость доставки.

– Ну, что вы, мне в радость. Давно мечтал от нее избавиться.

– Почему?

– Потому что сложная. Думал, осилю, а вместо средств к существованию заработал дополнительный комплекс.

Я хихикнула. Интересно, а что с этой книги заработаю я?

Попрощавшись, я зашагала в сторону ближайшего двора – до сих пор не любила прыгать на виду у сотен людей. Уж лучше в тишине и где-нибудь за «козырьком».

Нордейл. Мир Уровней.

Половина седьмого вечера.

В доме почти не пахло. Почти. Смешарики, приоткрыв маленькие рты, спали на диване в гостиной – не в стоящей в моей спальне корзине, – я была им за это признательна. Вернувшись в свою комнату, я распахнула настежь окно, какое-то время созерцала вид мирной улицы и пыталась решить, что именно почитать – то, что нужно, или то, что хочется? Победила не рефлексотерапия, а банальный, но очень приятный любовный роман, с которым я и провалялась на кровати до позднего вечера.

* * *

Следующее утро вполне можно было считать «удачным», так как началось оно не с кошачьей лапы на голове (Миша дрых в ногах) и не с нервной трели в дверь, а совместило в себе почти все то, что должно совмещать прекрасное утро: солнечный свет, щебетание птиц, негу в постели и разливающийся по квартире запах свежее испеченных вафель.

Вот это дело! Это приятно!

На кухне по своему обыкновению колдовала Клэр – мурчал в такт ее шагам веселой песней радиоприемник, Смешарики баловались у телевизора, деловито вылизывала лапу сидящая на каминной полке между двумя панно рыжая Ганька – мы больше не пытались ее оттуда гонять – бесполезно. Своенравная кошка по имени Огонек, вопреки человеческому мнению, считала, что там она смотрится лучше всего. А что изредка с полки падают предметы? Так они там для того и стояли, не так ли?

Завтракать сели под миролюбивое бормотание кулинарного канала, шорох развевающейся у балконной двери тюли и шепоток обдуваемой августовским ветром листвы.

– Ты дома сегодня?

– Угу.

Любопытно, но каждый раз, когда звучал этот вопрос, я всегда задумывалась на тему «дома у кого»? Формально этот дом все еще принадлежал мне, но жила я с Дрейком, а здесь, наводя порядок и занимаясь повседневными делами, ежедневно обитала Клэр. Кормила Сме-

шариков, приглядывала за кошками, варила для себя и для меня, отдыхала, рукодельничала. И переезжать, как ни странно, не соглашалась, хотя ей давно предложили собственное, не хуже этого жилье, да и Антонио периодически поднимал беседы о том, что, кхм, «неплохо бы им уже съехаться».

– Может, и неплохо, – с улыбкой отзывалась она, – но кто тогда будет смотреть за Фуриями? И придется разделить котов? А они любят быть вместе.

Клэр подобный расклад не нравился.

Согласна, коты привыкли быть вместе – вместе спали, вместе играли, просто знали о присутствии друг друга, и этого им хватало для беспечной кошачьей жизни. Смешарики же при разговорах о возможных переменах вдруг начинали жутко нервничать, а то и обижаться – подолгу прятались, не отзывались на имена и вообще не желали общаться, демонстративно показывая, что без привычного расклада они, может, и проживут, но далеко не так счастливо, как сейчас.

– Ты, конечно, сможешь их кормить и поить – я не сомневаюсь, – пожимала Клэр плечами и всякий раз безуспешно пыталась натянуть на лицо беззаботное выражение, сквозь которое проглядывал страх, – но ведь ты часто уезжаешь, так? Как же они будут одни? А так кто-то дома...

«Дома».

Это ее дом. И я не собиралась ее – уже давно ставшую подругой – ни увольнять, ни гнать прочь, хотя помощница мне не требовалась.

Я лишь улыбалась в ответ. Клэр – прирожденная мама, а Фурии – те, кто заменил ей в этом мире детей. Такие союзы нельзя разрушать – это противонравственно. И я не рушила; вместо этого со вкусом уплетала свежие вафли и наслаждалась жизнью.

– Дрейка нет. Надавал мне заданий, а сам укатил, так что буду прилежно выполнять.

– Все как обычно. А надолго он?

– Говорит, что надолго.

– Так это же здорово! Побудем все вместе, как в старые добрые...

С каминной полки упала рамка. Ганька взглянула на нас недовольными зелеными глазами (будто это мы скидываем расставленные ей же самой предметы) и лениво спрыгнула вниз.

Я хмыкнула и покачала головой – точно, «как в старые добрые».

А сразу после завтрака взялась за книгу. Не отлынивала, не пыталась найти оправданий – положила тяжелый том на кровать и открыла первую страницу. Знала: если к завтрашнему дню не подготовлюсь, буду медленно тлеть под укоризненным взглядом серо-голубых глаз и костерить себя последними словами – «мол, не могла прочитать? Лучше бы вчера взялась за дело и не стыдилась бы теперь...»

И пока мое «постыдное» завтра не наступило, я вгрызлась в гранит рефлексотерапии невидимыми зубами, словно новым сверкающим ковшом, и с упорством только что спущенного с конвейера бульдозера.

...

А уже через полчаса мои зубы если не сломались, то порядком сточились о тысячу слов про малопонятные меридианы, типы энергии, расположение каналов в организме и некие первоэлементы. А при взгляде на сложные таблицы зависимости этих самых первоэлементов между собой, тихо и печально начал угасать всякий энтузиазм.

Но я старалась.

Продиралась через дебри текста, смысл которого оставался мне малопонятен: что такое структура дерева, и почему она находится в легких? И почему, если легкие человека представляют собой древесную структуру, символизируют они первоэлемент «металл»? Как «огонь»

может перетечь в «воду», и почему «вода» уничтожается «землей»? И что такое, в конце концов, «тройной обогреватель»? Где он расположен, черт подери, и для чего нужен?

Мои губы беспрестанно шевелились, а мозг кипел в попытках разобраться в деструктивных структурах между энергиями Инь и Янь: как, спрашивается, в одном и том же канале утром может течь «холодный» и «солёный» тип энергии, а вечером «жаркий» и «горький»? И почему избыток одного тут же перерастает в болезнь?

А книга меж тем повествовала: «Металл символизирует: осень, сухость, белый, острый, тоску».

Спустя какое-то время с этой самой всеупомянутой тоской я смотрела в окно и почему-то вспоминала о том, что там, снаружи, расположен прекрасный мир – красивый, манящий, понятный. Где-то там беззаботно прогуливаются люди – пьют кофе, сидят в кафе, ходят в кино, общаются с друзьями. На их кроватях не лежат сложные книги с древним мутным текстом, им в глаза завтра не будет заглядывать Дрейк, их никто не спросит: «А ты понял смысл таблицы номер три?»

Чертовы китайцы. Великие мудрецы...

С одноименным успехом можно было попросить меня почитать «квантовую механику» или «процесс распада ракетного топлива при сгорании»; я – Дина, Дина, и у моих мозгов есть предел...

Нет, Динка, предела нет – нужно сменить убеждение.

Я пыхтела, хмурилась и работала над изменением восприятия мира – я могу, я могу, я могу... – и на какое-то время это помогало – мне удавалось осилить еще сколько-то.

– Так, значит, меридиан почек – «вода, инь», меридиан трех обогревателей – «огонь, янь», желчный пузырь – «дерево, янь»...

Тьфу... Это все нужно просто запомнить? Или еще и понять? И если первое с грехом пополам возможно, то второе – точно нет, не в ближайшие десять лет. Как вчера сказал на остановке Андрей Михайлович – «вместо средств к существованию я заработал еще один комплекс»? Я, похоже, на очереди.

А потом непонятным чудом случился обед, и от чертовой книги временно удалось сбежать.

Полчаса пролетели незаметно.

Есть такое понятие – «любовь в первого взгляда». Теперь я была уверена, что существует и другое понятие – «ненависть до последнего вздоха».

Так: каналы, меридианы – уберем эмоции и приступим к делу...

Я маялась и ежеминутно меняла позы – читала то на кровати, то на подоконнике, то на полу.

«3 ночи – «первые петухи». 4 утра – «вторые петухи». 5 утра – «третьи петухи»».

Если Дрейк хотел моей смерти, то мог бы быть милосерднее...

Глаза слезились, сознание бастовало.

«Сердце – Шоу-Шао-Инь. Тонкая кишка «Шоу-Тао-Янь». Почки «Цзу-Шао-Инь»».

Хотелось почесаться, хотелось помыться, хотелось спуститься, обуться и идти куда глаза глядят, лишь бы прочь из этой комнаты, из этого дома и даже из города.

Великая Китайская раса. Знание сквозь века... лучше бы оно меня минуло.

Я малодушничала и знала об этом. Да, вначале всегда тяжело – постигать новое сложно, – но, черт возьми, не должно же быть НАСТОЛЬКО сложно? Дрейк и правда думает, что это все возможно понять? Да еще и за сутки?!

К шести часам вечера и еще через пятьдесят две страницы, сидя на постели с осоловелыми глазами, я почти что искренне его ненавидела.

На часах семь вечера – голова в полной отключке. Поза звезды, взгляд в потолок, при мысли о «Рефлексотерапии» требуется лечить один-единственный рефлекс – рвотный.

Дожили.

Я вздохнула и подумала о том, что мне необходимо отвлечься. Да, пусть я мало прочитала, а уяснила и того меньше, вот только, если сейчас не сменить активность, к завтрашнему дню с головой точно случится коллапс. А коллапса не хотелось.

Итак, какие варианты? Тайры нет – с ней не поговорить, Дрейка нет – в отъезде. Зато есть отряд специального назначения в полном составе, и к кому-нибудь из них вполне можно завернуть в гости, убить часок-другой.

Кого же выбрать?

С четой Аллертонов, равно как и другими парами (Шерин-Халк, Меган-Дэлл, Рен и Эллион), я всегда отлично ладила, вот только чувствовала, что у них другая жизнь – своя. Конечно, любой из них был бы рад меня видеть и счел бы за удовольствие отвлечь сторонней беседой, вот только хотелось другого – душевного комфорта. А такой, как ни странно возникал у меня либо с Тайрой, либо с Дэйном, либо – да-да, невероятно, но факт – с Баалом.

Хм, Баал.

Стоило темноволосому брюнету всплыть в памяти, как следом вспомнился и тот факт, что всего неделю назад Регносцирос неожиданно попросил меня о помощи – срочном переносе, – ему требовалось кого-то спасти.

Интересно, кого? И удалось ли задуманное? Ведь мне тогда срочно пришлось портироваться назад – вызвал Дрейк, – и конца истории я так и не узнала.

За окном призывно шумела листва – хотелось выйти и прогуляться, просто подышать; интересно, была там замешана женщина?

Пересилило любопытство; я села на кровати. А почему бы не навеститься в гости и не выяснить детали? А заодно извиниться, что так спешно исчезла, и не выпить чайку?

И – сказано-сделано! – бодрая духом, я принялась собираться.

Я знала, что это однажды случится.

Вот знала.

И представляла себе это именно так, только не думала, что Баалов зад такой волосатый...

О чем я обычно думаю, когда совершаю прыжок? О человеке, конечно же, – вспоминаю, как тот выглядит, воспроизвожу в памяти лицо, голос, пытаюсь ощутить, что стою рядом с ним, могу его коснуться. Перемещаясь в неизвестном направлении, я неизменно полагаю, что окажусь либо на улице, либо в чужом доме, либо в машине (кинотеатре-магазине-ресторане) – да мало ли где?

Но только не в спальне.

И не в тот самый момент, когда эта самая волосатая попа ритмично и очень динамично ходит вверх-вниз, не когда из-под мужского (и совершенно голого) тела торчат и покачиваются в такт женские ноги, не когда все помещение наполнено сладострастными стонами, рыками, скрипом и запахом вершащегося прямо сейчас на моих глазах секса.

Наверное, я была очень красная.

Очень.

И очень смущенная.

И хорошо, что делая шаг назад перед тем, как перенестись домой, я ни обо что не запнулась.

Дурочка! Дурочка! Ну, нельзя же быть такой наивной дурочкой?

Издержки телепорта, блин. И что с того, что до этого самого момента Регносцирос всегда был один? Это ведь совсем не означало, что он всю оставшуюся жизнь проведет один? А если

бы меня заметили? Если бы эта самая дама, едва видневшаяся из-под его тела, случайно в разгар процесса открыла глаза и обнаружила стоящую у дверей незнакомку – о чем бы она подумала? О том, что я – его любовница? Бывшая любовница? Настоящая? Ужас!

А если бы меня увидел сам Баал? Да гнал бы он меня тогда из дому поганой метлой. И поделом.

Сидя на скамейке в собственном саду, я испытывала стойкое чувство вины и оттого вздыхала. Чужие крепкие ягодицы все еще продолжали ходить перед глазами, а в носу накрепко засел запах пота. Блин...

Надо было, конечно, позвонить. Поинтересоваться, можно ли прийти, вовремя ли я?

Стыдно. И даже грустно. Наверное, я сегодня устала и потому забылась. Наверное, впредь буду умнее. Ведь хорошо, что все хорошо кончается, – я здесь, а они ничего не знают...

Да, этим вечером я действительно была здесь – тонущая, как и все вокруг, в лучах заката – одинокая и потерянная, утомленная и, честно говоря, расстроенная.

Устала. Просто устала – день такой. Просто рядом нет Дрейка, просто уехала Тайра, просто я обчиталась тяжеловесной ерунды и совершенно забылась – перестала мыслить логически.

Ничего, завтра новый день. Завтра будет лучше.

Глава 2

– Скажи, как можно было посоветовать мне эту книгу – дать ее в виде задания, – и выделить на ознакомление всего один день? Да там не то, что недели не хватило бы, там не хватило бы века, чтобы во всем разобраться. Разве же это честно?

Дрейк выслушивал мою гневную тираду, длыщуюся без остановки уже минуты четыре, с непроницаемым выражением лица – лишь загадочно поблескивали с экрана прищуренные глаза.

– Я целый день пыталась впихнуть все это в голову! Целый день – крест даю – вот даже не отрывалась! А к вечеру чуть не умерла от передозировки информации, из которой не поняла и процента. Да, конечно, помню, ты предупреждал, что не все сразу, но тут не просто «не сразу» – тут нужна встраиваемая в голову флэшка памяти, чтобы запомнить хотя бы три названия этих многочисленных точек на китайском... А они там ВСЕ на китайском! Все, представляешь?!

– Представляю. И помню их все до единой.

Нет, этим утром мне однозначно хотелось размазать о его физиономию торт – купить самый нежный кремовый и с размаху зашвырнуть его, если не в самого Дрейка, то уж точно в экран. Гений запоминания, блин! Ходячий шедевр на ножках. И откуда такие берутся? Уж точно не рождаются от простых смертных.

А он еще и улыбался – мой ненаглядный. Смотрел, как я жалко швыркаю носом (угу, этим утром я проснулась с жутким насморком, а сей факт, как известно, еще никому не добавлял хорошего настроения), и как будто даже сочувствовал. По крайней мере, взирал тепло, с пониманием.

У-у-у-у! Точно кого-нибудь удушила бы! Лучше бы я сегодня – больная – осталась в постели, лучше бы перележала этот день в тишине и одиночестве, чем сидеть здесь теперь и доказывать, что вчера я честно пыталась что-то делать, а в ответ слышать, что для других все, оказывается, очень даже «просто».

– Ди.

Я знала этот тон – мягкий, вкрадчивый.

– Что?

И еще раз шумно высморкалась. Жаль, что вместе с насморком не пришла температура и не заболело горло, – тогда была бы веская причина для «прогула». А так я – излишне ответственная – снова сидела в пустом кабинете за узкой партой и заворачивала в носовые платочки карандаши.

– Знаешь, чему я рад?

Тишина. Ответ ему и не требовался.

– Тому, что ты уловила суть. А еще тому, что у тебя потек нос.

– ЧТО?!

Да этим утром мне не просто торт нужно было нести – цистерну со сливками пригнать, чтобы извлекать в ней местного «Билла Гейтса».

А Дрейк, судя по всему, действительно был рад. Чему? Моим соплям?!

– Да как ты...

– Как я смею радоваться чужой простуде? Это я объясню чуть позже, а пока, пожалуйста, соберись, и вернемся к теме книги. Ненадолго, обещаю.

Прежде чем ответить «хорошо», пришлось сделать не менее пяти глубоких вдохов.

Хорошо. Хорошо-хорошо-хорошо. Лишь бы это занятие, наконец, закончилось, и я смогла уйти зализывать раны в одиночестве. Нет, ну разве так можно? У меня насморк, а он счастлив! Да где же это видано, чтобы люди себя так вели? Другой бы на его месте утешил, сказал ласковое слово, приказал кому-нибудь позаботиться – принести чая с малиной...

Но у меня нет «кого-то» – у меня Дрейк – Творец всего сущего в Мире Уровней, а потому про банальный чай с малиной придется забыть.

– Итак, книга. Уверен, что ты поняла главное: в теле человека находится множество невидимых каналов, по которым циркулирует энергия. Энергия эта подвижна и постоянно перетекает из одного состояния в другое – «огонь-вода-дерево-земля-металл», однако пребывает в равновесии – равномерно распределяется по меридианам, питает и насыщает физические структуры. Каждый из каналов проходит через определенный ряд органов, и потому носит название одного из них – например, «канал желчного пузыря» или канал «желудка».

Да, это я с грехом пополам уловила.

– Так же, я уверен, ты поняла, что на каждом канале находится «н-ное» количество невидимых активных точек, которые используются для того, чтобы регулировать работу канала вручную, если ситуация того требует, – на этом и базируется ваша рефлексотерапия.

– Наша?

– Да, в этом мире она не развита – никому не хватает времени на постижение столь глубокой области знаний. А вот ваши китайцы – хвала им и уважение, – зная основы распределения и тока энергии через человеческое тело, издревле умело вмешивались в сложные процессы – воздействовали на точки массажем, прижиганием, либо иглой, что в итоге приводило к излечению больного органа. Здесь замечу, что, если действовать на точки неверным способом – не в то время, либо не тем методом, – человека можно покалечить или даже убить.

– Правда?

– Увы.

Ух ты! Всего за одну секунду некогда знакомое и вполне понятное значение слова «рефлексотерапия» неожиданно предстало для меня в совершенно ином свете – в зловещем. Ни в жизнь не пойду в кабинет иглоукальвателя – а вдруг он невнимательно читал трактат Гаваа Лувсана? Потратил ли он, как древние медики, на ознакомление с этой системой лет тридцать? Да пусть даже десять? Сомнительно...

Дрейк, между тем, продолжал.

– Итак, что мы имеем? – слушала бы его и слушала, как радиоприемник. Иногда мне совершенно не хотелось включать мозги, но ситуация не позволяла – приходилось внимательно следить за ходом чужой мысли, потому как (я уже знала) через минуту или две обязательно последует каверзный вопрос. – Органы человеческого тела как физическую структуру, а так же каналную систему как энергетическую структуру. Если бы каждый человек в мире знал то, о чем знали ваши китайцы, то легко и непринужденно мог бы излечить себя сам.

– Иглами?

– Да, иглами. Или же массажем, как я уже упоминал. Однако вчера, ознакомившись с данной наукой лишь поверхностно, ты поняла, что подобный по сложности пласт знаний всем и каждому не под силу.

– Да уж, – крикнула я, как настоящий «знаток хозяйства». – И ты заставил меня с этим пластом ознакомиться лишь для того, чтобы я поняла, что простым смертным он не под силу?

– Отчасти. Рекомендую тебе все же продолжить читать «Рефлексотерапию», только теперь размеренно и последовательно, не торопясь. Поверь, в итоге она очень многое даст.

Памятуя про вчерашний рвотный рефлекс, я была уверена, что у меня не скоро вновь возникнет желание открыть приобретенный в Новосибирске «раритет». Может быть, когда-нибудь...

– Ну что, подведем итог?

Я в очередной раз согласно высморкалась. Эх, придется из Реактора брести в аптеку, покупать спрей...

– Органы. Канальная система. Если энергия в ней в каком-либо месте блокируется, тело заболевает – начинает выдавать симптом сбоя на физическом уровне – это мы и зовем болезнью. Пока все ясно?

Я кивнула.

– Получается, что если уметь воздействовать на канальную систему – ПОНИМАТЬ, каким образом делать это правильно, – излечиться самостоятельно возможно.

Угу. После тридцати лет Гаваа Лувсана.

Дрейк, вероятно, заметил ехидное выражение моего лица, и потому вновь загадочно прищурился.

– Думаешь, существует всего лишь один метод воздействия?

– Других я не знаю.

В отличие от «непростых смертных».

– А напости мне, пожалуйста, о чем ты упомянула на прошлом занятии? Какое из тел плотно вплетено в энергоструктуру каналов?

Сопли продолжали течь ручьем, платочки заканчивались.

– Тело эмоций.

– Верно. Тело эмоций. Что означает, эмоции, а точнее их перекося – то, что мы называем «стрессом», – напрямую воздействуют на работоспособность внутренних органов, так?

Ух ты, как вывернул – ловко и гладко!

– Так.

– А сегодня ты сопливишь!

– И что?

Я взглянула на ставшее вновь довольным лицо исподлобья.

– А то, что я добился своего – намеренно вызвал у тебя насморк с помощью воздействия на эмоции.

Прежде чем ответить, я несколько секунд растерянно хлопала ресницами – он вызвал? Он?! Вот этот вредный человек на экране – противный Дрейк? Намеренно? Да если это действительно он, я не то, что торт, я ему... У-у-у!!!

На этот раз из моих ушей повалил пар.

– Эмоциональный перекося ведет к болезни, Ди. Всегда. Ибо эмоциональный перекося – стресс – и есть блокировка нормальной работы какого-либо из каналов, что впоследствии проявляется на физическом уровне. И разве тебе не любопытно, какая именно из эмоций приводит к появлению насморка?

Любопытно?

Я сидела, набычившись. Руки крестом на груди, брови нахмурены, губы поджаты – а-ля вид «не знаю и знать не хочу!» насупленного ребенка.

Нет, оказывается, все это время Дрейк намеренно измывался надо мной? Заставлял читать «ужасы» китайской медицины, ставил эксперименты на моем – МОЕМ – физическом теле, а после ликовал, что у меня потек нос?

Да это не человек – это просто... просто монстр какой-то! А я все это время пыталась оправдать его поведение разыгравшимся величием – наивная.

– Обида.

– Что?

– Нос всегда течет исключительно от обиды.

– Нет у меня никакой обиды.

– Нету?

– Нету! – твякнула я очень даже обиженно.

– Есть. Если быть точным, это «оскорбленная обида» – именно этот термин подходит сюда лучше всего. Разве ты вчера не обиделась на Тайру и отсутствие от нее звонка? Разве не подумала: «ну почему она хотя бы не предупредила?». Разве не расстроилась от того, что я порекомендовал такую сложную книгу и дал всего день на ее прочтение? Разве не вернулась со вчерашнего занятия домой с ощущением того, что тебя все оставили и на тридцатый уровень не пускают?

Он «зрил» в корень. Всегда в него «зрил». А мне теперь не хотелось говорить, хотелось только молчать. Не всегда приятно, когда тебя видят насквозь, и тем более неприятно, когда уличают в таком вот «перекосе эмоций».

– Ди...

Тишина.

– Ди...

Очередной шмыг носом. А проклятый насморк, оказывается, меня еще и сдал.

– Ди...

– Лучше бы просто меня обнял.

Я чувствовала себя ребенком, которого давно не гладили – не прижимали к груди, не грели, не ласкали добрым словом.

Следующая фраза прозвучала настолько мягко, насколько это вообще возможно в исполнении Начальника.

– Я еще не раз тебя обниму, глупая. Много раз обниму – у нас впереди жизнь. Но то, что ты сегодня поймешь, изменит все. Просто поверь мне.

Текли сопли, kloкотало внутри расстройство; светился на стене экран.

– Так ты подумала вчера схожим образом, правда?

Подумала. И не только вчера. И именно так, как он описал. Вот только до сих пор не верилось, что обычные мысли, пусть и грустные, вызвали то, что я наблюдала уже не первый час, – протекший, словно водопроводный кран, нос.

– Я обиделась – и у меня начался насморк?

– Да.

– Так просто?

– Это не просто. Одна из эмоций зашкалила, вышла за пределы допустимого колебания, и ты увидела, как твое тело силится тебе помочь – выводит наружу избыток блокирующей энергии для того, чтобы восстановить работу канала. Проще говоря, болеет.

– То есть болезнь – это помощь тела при эмоциональном перекосе?

– Сложно поверить, увы, но это так. Тело не может иным способом вывести перехлестнувшую через край негативную энергию, и поэтому делает это собственными методами – выводит ее, как в данном случае, через слизистые.

Не верилось. Вот хоть убей – не верилось. Да, конечно, стрессы влияют на физическое состояние, но чтобы вот так прямо?

Дрейк же, видя, что я погрузилась в размышления, принялся пояснять.

– Обида – это эмоция, которая возникает от мыслей «да как вы могли?/как вы смели?», – и ее легко по этому признаку отыскать. Когда ты думаешь: «как смела Тайра так со мной поступить? Почему просто не могла предупредить?» или «как Дрейк мог мне отказать, когда знал, что мне хочется его увидеть?» – в общем, «Как вы смели так со мной обойтись, когда я к вам со всей душой...», – происходит одно и то же – начинается насморк. Всегда.

– То есть все, у кого насморк, – обиженные люди?

– Да.

Я невесело усмехнулась.

– А почему у меня не разболелось горло?

– Потому что в нем не застряло злое невысказанное вслух мнение.

– В смысле, я не подумала: «какие вы все сволочи?»

– Как вариант.

Да, такого я действительно не подумала.

– А если бы подумала и промолчала?

– Так многие молчат, не желая показаться плохими. А потом у них болит горло.

– А температура?

– Единственная возможность тела пережить накопленную злобу.

Ах, вот, оказывается, почему у меня не поднялась температура, – я недостаточно сильно разозлилась.

Я покачала головой.

– Что же получается – за каждым заболеванием стоит эмоция?

– Назовем ее стрессом.

– Для каждого-каждого?

– Абсолютно. Хочешь проверить, что все так, как я говорю?

– А это возможно?

– Да, возможно. Вот теперь мы и перейдем к домашнему заданию – тебе ведь надоел насморк?

Я кивнула – удивленно и одновременно расстроено: а кому бы он не надоел?

– Тогда слушай меня внимательно.

* * *

Он дал очень странное задание.

Совсем странное – простить себя.

Объяснил, что для человека, не являющегося ни «энергосущностью», ни неким продвинутым в плане физического и ментального развития созданием, это единственный способ избавиться от энергетического блока – да, именно так: «простить» собственный стресс.

Звучало неправдоподобно – слишком просто и сложно одновременно.

Сказал: «Сделай это. Именно так, как я описал». И запретил покупать спрей.

– купишь «после». Если понадобится.

И потому я шла не в аптеку, а домой. Удивленная, раздрыганная и подавленная – иногда Дрейк учил жестко, даже жестоко, но он учил исключительно на пользу, и я знала об этом. Доверяла ему, хоть иногда и обижалась. Совсем как теперь.

Взять и раскопать человека изнутри – разве это приятно? Препарировать все его комплексы на живую, разворошить и вывернуть на поверхность тайные и не всегда добрые мысли – кому такое в удовольствие? Что-что, а к категории мазохистов я никогда не принадлежала.

Но этот урок следовало пройти. Сложный. Один из многих.

Всю дорогу, пока брела по аллеям, пока входила в дом, пока поднималась в спальню, я думала об одном и том же – почему «прощение»? Почему именно оно? Не визуализация того, как из тебя уходит негативная энергия, не ментальное освобождение «закупорившейся» зоны, не привычного вида практика «смени убеждение», а именно прощение? Почему оно вообще должно сработать, если это всего лишь слово?

Или не слово, но непонятный мне процесс?

Мишу я в комнату не впустила, чтобы не мешал, – захлопнула дверь перед его обиженной мордой, приставила подушку к спинке, забралась на кровать с ногами, взглянула на часы – 14:12. Что ж, если очередной эксперимент не принесет результатов, пойду в аптеку.

«Купишь, если не поможет».

Итак, с чего он просил начать? В воображении гладким потоком полились прозвучавшие на занятии слова:

– Все происходит в три этапа, Ди, и выполнены они должны быть последовательно. Требуется освободить три узла. Первый: простить человека, всколыхнувшего в тебе стресс, ибо этот человек не нанес тебе обиды – ее себе нанесла ты сама. Второй: простить непосредственно себя за то, что не сумела отреагировать адекватно. Третий: попросить прощения у собственного тела за то, что поместила в него то, что нанесло системе дисбаланс. Пока все ясно?

– Ясно. То есть сначала я должна простить Тайру, на которую обиделась?

– Да. Потому что тебя обидела не Тайра, а отсутствие звонка, то есть чье-либо действие. Вот только люди ежесекундно совершают миллионы действий, и, если твоя реакция каждый раз будет неадекватной, тело очень быстро сдаст. Посему – причина насморка, увы, ты, а не Тайра. Прости подругу и попроси у нее прощения.

Что ж, первый этап ясен.

Я попыталась вздохнуть, в очередной раз ощутила, как сильно заложен нос, достала из тумбочки платки и высморкалась. После этого вызвала в памяти образ подруги, какое-то время смотрела на него, затем мысленно заговорила:

– Привет, Тайра, – мой голос звучал робко и неуверенно даже в собственной голове, но знакомые зеленоватые глаза смотрели доброжелательно. Говорить с ней? С ее образом? Звучало глупо. Я чувствовала себя так, будто пыталась мастурбировать, теребя не за «то самое», а за большой палец левой руки, и еще почему-то ожидаю результатов. Но был ли выбор? Нет. – Я хотела перед тобой извиниться. Я зря обиделась, понимаешь? Ты не позвонила, не сказала, что уезжаешь, а я ждала, волновалась, где ты есть. Но это не ты, не твои действия – это я волновалась. Потому что испытывала неуверенность и страх, потому что твои действия показали, что они – неуверенность и страх – во мне есть. Поэтому я не виню тебя и хочу сказать, что я прощаю тебя за то, что ты всколыхнула во мне обиду, – в том нет твоей вины. И прости, что в силу стресса я отреагировала неадекватно, ладно? Пусть даже ты и не видела этого в реальности. Прости.

Тайра в моем воображении улыбнулась, кивнула и вдруг принялась таять, будто нечто невидимое, то, что все это время привязывало ее ко мне невидимой нитью, исчезло.

Закончился первый этап? Видимо, так.

Я сфокусировалась.

Что Дрейк говорил о втором?

– Когда ты прощаешь саму себя, Ди, делать это требуется искренне, со всей любовью, на которую ты способна. Потому что даже тогда, когда ты совершаешь ошибку, ты все равно остаешься самым лучшим и достойным человеком, понимаешь? Прощать нужно не для того, чтобы избавиться от болезни – подобным образом ничего не сработает, – но понимая, что попросту не хочешь носить в себе нечто черное, ибо помимо болезни оно ведет к вещам куда худшим – портит качество твоей жизни, не позволяет нормально общаться или видеть вещи в истинном свете. Негативная эмоция, помимо болезни, в которую она выливается, – это лишь верхушка айсберга, который впоследствии испортит всю твою судьбу.

Всю судьбу? Нет, такого не хотелось. Я на секунду открыла глаза, а после снова их закрыла – Дина? Моя любимая обиженная Дина, где ты?

И она была там – часть меня – сидела внутри грустная, понурившаяся и печальная. Молчала, смотрела на собственные руки, не желала поднимать головы. Я подошла, присела рядом и мягко обняла ее.

– Все плохо, да?

Воображаемая «я» кивнула.

– А что плохо, расскажи?

– Что? Разве ты не знаешь? Она меня просто бросила. Получила путевку и тут же сорвалась с места. Зачем ей было звонить? Не особенно-то я ей и нужна...

– Это неправда, и ты это знаешь.

Мой двойник сомневался.

– А что, сложно было? Я ведь ждала...

– Она могла не знать, что ты ждешь. Могла быть занята, могла погрязнуть в сборах. Поверь, Тайра никогда не желала тебе зла и не хотела обижать. Ты ведь знаешь это, я уверена, знаешь.

Динка-клон вдруг повернулась ко мне и обняла в ответ, прижалась и расплакалась горько, совсем как в детстве; выдавила обиженно и с горечью:

– Я ей просто не нужна...

– Это в тебе говорит обида.

– Я никому не нужна...

– Нужна.

– Кому?

– Да хотя бы самой себе. Скажи, ты нужна самой себе?

– Н-н-наверное. А им? Им нет?

– Это неправда. Этот страх учит тебя быть сильнее, он показывает: «Не бойся, я пришел учить тебя смелости. Пока я в тебе, пока ты боишься, все видится именно таким, как сейчас, но если ты меня отпустишь, перестанешь сомневаться, что люди желают тебе зла, все моментально изменится. Ведь дело не в людях, дело в том, что ты меня держишь».

– Страх?

– Конечно. Он заперт тобой же внутри и вызывает обиду и печаль. Он меняет твой взгляд на вещи, заставляет думать ошибочным образом.

– Думаешь, они меня любят? И Дрейк, и Тайра?

– Конечно. И никогда не переставали. Поэтому давай просто отпустим обиду и страх на свободу, ладно?

Она все еще вздрагивала под пальцами, а я мысленно гладила ее – саму себя – по спине со всей любовью, на которую была способна.

– Давай вместе это произнесем: «Я прощаю себя».

– Я прощаю себя, – тихо, не веря ни во что хорошее и с ноткой грусти повторила Динка-двойник.

– Прощаю себя за то, что позволила страху поселиться внутри, за то, что впитала его, за то, что вырастила из него горькую обиду. Прощаю себя.

– Прощаю себя... – донеслось эхом.

– И я прощаю себя за то, что не сумела вовремя адекватно отреагировать, – я учусь. Поэтому чувство вины я прощаю тоже.

– Прощаю.

– И я люблю себя.

– Люблю себя.

И ей стало легче – Динке-клону, – я ощутила это кожей. Она – мой воображаемый двойник, – как до того образ подруги, вдруг начала таять прямо в моих руках. А то черное облако, что сидело в ней, теперь уплывало вверх – исчезало и растворялось. Так от нас уходила обида, так уходила печаль; и мне вдруг тоже необъяснимо полегчало. И, чтобы не тормозить процесс, я сразу же перешла к третьему этапу практики:

– Тело мое любимое, мой самый лучший друг, ты прости меня, ладно? Прости за то, что я напихала внутрь тебя этой черной энергии обиды, за то, что сбила наш баланс, что вдруг непонятно с чего забоялась. Тебе ведь тяжело со страхом внутри, и я понимаю: насморком ты меня не наказывало, а пыталось помочь – выводило негатив наружу. Спасибо тебе, чудесное

мое. Правда, спасибо. А я просто не всегда мудрая, понимаешь? Иногда я очень-очень глупая, и потому сегодня утром ты пострадало. А вместе с тобой и я. Прости меня, пожалуйста, – впредь я постараюсь быть умнее.

И тело отреагировало. Почти незаметно и неуловимо, но оно как будто сделалось легче весом и светлее по ощущениям. Как будто ушло из него то, что мешало нормальной работе, – может, не полностью, а лишь частично, но ушло. Действуя скорее интуитивно, нежели по Дрейковой указке, я обратилась к собственному носу и дыхательным путям:

– Носик, ты тоже прости, ладно? Вместо того чтобы наполнять себя, а заодно и тебя любовью, я поддаюсь стрессу, и теперь ты опух и течешь. Ты тоже стараешься мне помочь – очень стараешься, отводишь прочь негатив – спасибо тебе. Пожалуйста, помоги мне простить обиду, которая осела внутри моих дыхательных путей, ладно? Я поняла, что поместила ее туда напрасно. Прости за это.

И мысленно погладила нос, напитала его золотистым светом любви.

Тело услышало – я была уверена – услышало. И почему я, глупая, так мало говорила с ним раньше? Ведь Дрейк был прав: «Тело – это не твоя собственность. Это то, что Создатель дал тебе взаймы, это твой самый лучший и преданный друг, с которым вы работаете в команде».

Мое тело. Моя команда. Прости меня.

А после был черед обиды на Дрейка – ее я простила следом – сделала все по кругу. Простила Начальника, себя, попросила прощения у тела. А после страх. И еще раз по кругу печаль – ее я увидела темным грустным образом, сидящим внутри меня и не имеющим возможности уйти – прикованным ко мне той же нитью, как до того Тайра.

– Прости печаль... Отпускаю. И спасибо за твой урок – ты учишь меня не печалиться...

– Именно она – печаль – вызывает в теле отеки. Любые: тканей, суставов, органов. И потому твой нос не дышит.

Я выпустила ее на свободу. А после какое-то время лежала, ни о чем не думала, слушала тишину.

Вопросительно и жалобно мяукнул из-за двери Миша – почувствовал, что я освободилась, и вновь попросился внутрь; играли у телевизора Смешарики, что-то жарила на кухне Клэр.

После исполнения всех инструкций и после завершения всего процесса, мне стало легче. Сил осталось меньше, но на душе стало спокойнее – я вдруг осознала, что действительно больше ни на кого не обижаюсь. Нашупала рукой пачку платков, достала новый, свернутый вчетверо, поднесла к носу...

...И поняла, что он больше не течет.

Не поверила самой себе – распахнула глаза, села, зачем-то пощупала сухие ноздри. Да, все еще чуть опухший, да, неприятно чувствительный после воспаления, но он больше не тек. НЕ ТЕК.

Клэр постучала в комнату в тот момент, когда, уставившись в стену изумленным взглядом, не способная поверить в случившееся, я сидела на кровати.

– Дин, я принесла тебе чаю. С малиной. Слышала, как ты утром шмыгала, – простыла?

Я перевела на нее стеклянный взгляд и втянула носом воздух. Шумно, глубоко. Потом выпустила его наружу. И так несколько раз – освободившийся нос дышал.

– Ой, ты уже купила лекарство, да? – она улыбнулась. – Но чай все равно поможет. С листьями, со свежей ягодой, зеленый, как ты любишь.

И она протянула мне чашку, в которой, занимая добрую половину пространства, плавали листья и мясистые хлопья разваренной малины.

– Будешь?

Я посмотрела на напиток.

– Буду.
– Вот и молодец. Выздоровливай.
Как только Клэр вышла из комнаты, я взглянула на часы – 14:33.

Двадцать одна минута.

Прошла ровно двадцать одна минута с того момента, как я откинулась на подушки и закрыла глаза. Мог ли за это время помереть вызвавший насморк вирус? Если да, то каким образом, почему? Инфекция не исчезает просто так – для того, чтобы справиться с ней, организму требуется время. Много времени. Мы привыкли к тому, что простуда длится семь дней – семь бесконечных дней температуры и пота, семь ночей с плохим беспокойным сном, семь дней вялости, ломоты в суставах, больного горла, проклятушего насморка и три тысячи вот таких вот чашек с малиновым чаем. Да, пусть первые и самые болезненные симптомы пройдут раньше – если повезет, дня за три, – но за двадцать одну минуту?

Нос дышал; ароматно и терпко пах принесенный Клэр чай – она, как большинство «нормальных» людей, заботилась обо мне «типичным» способом – ходила за таблетками, приносила еду и питье, укрывала, клала на тумбочку градусник.

А Дрейк... Он просто взял и вылечил. Без чая, без таблеток и без трех суток изнуряющей жалости к себе.

Невозможно.

Но нос дышал.

Невозможно. Насморк не кончается за пару десятков минут.

Не кончается. Но факт.

Все яростнее, все напористее формировался и скручивался в голове один-единственный вопрос – жужжал, вертелся и никак не давал покоя: так что же сидело внутри меня – инфекция... или обида? Физический фактор, вызвавший болезнь, или же стресс?

Обычный стресс?

И что тогда, если мне хватило двадцати минут, чтобы от него избавиться, есть любая болезнь – фантом? Энергетическая иллюзия?

Вирус не мог так быстро исчезнуть...

Что же на самом деле есть человеческая болезнь? Что?

На часах 14:36.

И в аптеку мне больше не надо.

Вибрировал раскрученный диск ноутбука, светился экран; на черном фоне привычно мигал белый курсор. Окно чата, когда Дрейк далеко, – единственный способ связаться с ним. Все, что я печатала на клавиатуре, появлялось перед ним прямо в воздухе хоть в соседней комнате, хоть на тридцатом уровне.

И теперь мои пальцы нервно и быстро, изредка промахиваясь, бегали по клавишам:

– Дрейк, я не верю...

– Ди? Привет. Ну и как, ты уже нормально дышишь?

– Дышу. Только все равно не верю.

– Поверишь. Увидишь это снова и снова. И поверишь.

– Но... как?

– Объяснения займут время. Отложим до следующего занятия?

– До завтра?

– Да, до завтра.

– Хочу убедиться еще раз. И еще. Хочу снова проверить...

– Я понял.

– Пожалуйста...

– Найду. Я услышал тебя. Жду на занятии в девять.
И он отключился.

Я откинулась на спинку стула и посмотрела на прозрачную чашку, в которой мокли в остатках чая медузы-листья. Все-таки чай с малиной – это здорово. Особенно, когда ты полностью здоров.

* * *

Мы провожали последний день лета.

Теплый вечер, фиолетовое небо, подсвеченное зеленоватым дно бассейна. Сияющие в свете расставленных по периметру фонариков лужи воды на мраморе, брызги, смех, гомон – вечеринка в купальниках в самом разгаре.

Я присоединилась к остальным по трем причинам: во-первых, давно не видела друзей, а тридцать первое августа – прекрасный повод собраться вместе, расслабиться и еще раз побыть вместе, во-вторых, не желала коротать время в одиночестве за очередной умной книгой, ожидая, пока наступит долгожданное завтра, а вместе с ним и новое занятие. В-третьих, попросту не смогла отказать Дэйну, который сообщил, что вечеринка без Ди – это уже не вечеринка, – поддалась на ласковую и самую что ни на есть медовую лесть «маслоротого» бугая.

И теперь валялась на лежаке, наблюдала за тем, как в шутку пытаются утопить друг друга в бассейне ребята, как размахивают руками и скандируют, болея каждая за своего, девчонки, как носится вокруг, цокая когтями по парашюту, мокрый Барт – брызги с его хвоста долетали до дальних кустов.

Гав-гав-гав! Пес счастлив, любим, доволен.

А ведь когда-то этот самый пес рылся в помойках Санкт-Петербурга. Давно это было...

Одетая в зеленый купальник Ани-Ра разносила коктейли, но я едва ли притронулась к одному из них – опасалась, что девшийся невесть куда насморк вдруг вернется, и тогда Дрейк отругает меня за спровоцировавший сей скорбный факт алкоголь. Да его – спиртного – и не хотелось. Зачем, если настроение и без того прекрасное?

«Хотя я единственная, кроме Дэйна, кому сегодня не за руль», – мысль вызвала улыбку. Интересно, что хуже – пьяный водитель или пьяный телепортер? Ответ выходил неоднозначным.

– А где сегодня твой суженый?

Расположившийся рядом со мной снайпер, потягивал голубоватый напиток из стакана величиной с ведро попкорна. Сушил мокрую косичку и плавки, провожал свою даму плотоядным взглядом, с восторгом следил за силящейся стащить с Аллертона труссы овчаркой.

– Работает.

– Он всегда работает.

Угу. Иногда я думала о том же – и почему рядом со мной не «обычный» парень, который сейчас сидел бы здесь, гладил бы мои плечи или веселился с остальными?

Или жрал бы пиво литрами, мочил скабрзные шутки и ныл: «Отстань, Дин, я пока не хочу домой... Уйди!»

Сия мысль отрезвляла всякий раз, как только появлялась. Каждому дано то, что дано, и в каждой медали две стороны – уж в таком мире мы живем – объемном. Нет черного без белого, нет хорошего без плохого, нет людей без недостатков. Вот только недостатки Дрейка были не просто «терпимыми», они были (если без вранья) любимыми. Дрейк умел работать и обожал это, что само по себе не могло не вызывать ничего, кроме восхищения. А касательно внимания к своей второй половине? Так мне его в хорошем смысле этого слова хватало.

– Такая уж у него судьба.

– А надолго он уехал?

– Говорит, что надолго.

– Блин, – Эльконто, как ни странно, довольным не выглядел.

– А к чему вопрос?

– Да к тому, что, пока Дрейка нет, над нами вовсю изгаляется Сиблинг – управление отрядом и его действиями ведь переходит к нему.

А, вон оно что... Да, Сиблинг – тот еще парень, у него не забалуешь.

«Сочувствую», – хотела сказать я, но в этот момент проходящая вдоль борта Ани поскользнулась на мокром полу – ее падение успел перехватить и выровнять Халк, но сам он от резкого движения неуклюже рухнул в воду. Раздался дружный хохот и столько брызг, что окатило не только нас, но и, кажется, весь особняк. Через секунду над поверхностью показалась голова с пепельными волосами и улыбающееся лицо, а еще спустя минуту бассейн вновь вскипел от обилия в нем дурачащихся тел – Мак, Дэлл, Аарон, Рен... кто там еще? Пятки, ладони, – брызги-брызги-брызги – фыркающие лица, разноцветные трусы, бугры мышц, – брызги, – чья-то волосатая задница...

При виде мшистых ягодиц тут же вспомнился Баал, который сегодня отсутствовал.

– Слушай, – обратилась я к снайперу, – а где Регносцирос?

Хотелось спросить: «с кем?».

– Не знаю, он давно с нами время не проводит – совсем от рук отбил, гад. То ли чем занят, то ли просто недоволен – демон же – хрен его поймешь.

Ага, ясно. С кем он проводит время, я немножко видела; чем занят – тоже, но об этом лучше умолчать – мое рыло и так «снежное» от пуха.

– Сама-то как живешь? – Эльконто шумно и со смаком тянул через трубочку коктейль.

– Хорошо живу. Нормально. Практикую чудеса, – вновь вспомнилось сегодняшнее утро и ушедший погулять насморк. Чем ни чудо?

– Ну, ты – это всегда ты. Ты создана для чудес.

– Да ну?

Его реакция меня рассмешила – все мы созданы для чудес. Просто некоторые люди почему-то постоянно об этом забывают.

Я не удержалась, поддалась соблазну и тоже потянулась к стоящему рядом многослойному красивому напитку в стакане, сделала глоток – вкусно: мандарин, ром, дыня. Напротив меня через бассейн сидел на лежаке Логан – взерошенные темные волосы, раскачанный торс, полосатые трусы, ноутбук – интересно, ему еще причиндалы батареей не нагрело? Не подойдешь ведь, не спросишь.

Отличный все-таки вечер и прекрасное настроение. Хорошо, когда вокруг все довольны и счастливы, когда смеются, когда семьями. Тогда и любовь вокруг льется рекой и мерцает в воздухе искрами. Вот этим и запомнится мне последний день лета – ласковой погодой, улыбками, висящими над нами звездами, спрятавшимися в кустах лампочками, неугомным Бартом, черными силуэтами деревьев на фоне марганцевого неба.

А еще тем, что дышит нос. А ведь могла бы сейчас лежать в постели...

Зашевелился рядом Дэйн, потянулся к стоящему на столике между нами стакану и крикнул от боли.

– Чертовы синяки...

Я повернула голову и только теперь заметила на его бедре внушительное бордовое пятно. А еще одно на плече и на боку, расцарапанную шею – и как пропустила все это раньше? Даже заволновалась.

– Откуда это у тебя? Вас снова послали на задание?

– Если бы! Это все Сиблинг, я же говорю. Уж лучше бы был Дрейк...

– Что, тебя бьет Сиблинг? Домогается?

– Динка, сейчас в воду скину! Он не меня бьет, он весь отряд гоняет. Устраивает нам внеплановые учения, тренировки, марафоны – вообще продыху не дает. Блин, как нечаянная баба, ты уж прости...

Я поперхнулась коктейлем, и мои губы против воли расплзлись в улыбке. А спиртное, надо отдать ему должное, шло впрок – поднимало и без того хорошее настроение, добавляло ему задоринки.

– Так он и есть, кхм... как бы это сказать – мужчина без секса.

– Ага, уже лет пятьсот как, и потому совсем одичал. Стоит Начальнику ступить за порог, так Джон, как павлин, распускает перья, делает зловещую рожу и грозит всем «настоящими» тренировками. И ведь испортит мне день рождения, сукин он сын!

День рождения Дэйна ожидался в конце следующей недели – большое событие, грандиозное – к нему готовились заранее.

– В каком смысле испортит?

– Да поставит нам на этот день очередной марафон или загонит на свои бесконечные тесты. Говорю же, ему в этой жизни больше заняться нечем, кроме как отряд изводить. Хоть бы отвлекло его что, а-а-а? Испортит ведь праздник, точно говорю – испортит.

Эльконто, похоже, не на шутку расстраивался, потому как мечтал о полноценном банкете с шутками, танцами, обниманцами и кучей веселья. И уже заранее замучил всех звонками, напоминаниями и пригласительными открытками.

– Вот что может отвлечь мужика от самых серьезных дел? Только женщина.

– Угу. Женщина и Сиблинг – понятия несовместимые. Где мы ему «электро-бабу» возьмем, чтобы не только коснуться могла, но и соснуть ему разок?

– Дэйн!

Я снова тряслась от смеха – подо мной ходуном ходил лежак, стакан пришлось отставить.

– А что? Помогает, знаешь ли! Наутро становишься размякшим, шелковым, жить хочется. И дурные желания пропадают, как то: набздюлять кому-нибудь.

– Проверял?

– Каждое утро проверяю.

Бедная Ани. Или счастливая Ани – тут смотря с какой стороны смотреть...

– А Сиблинг что? У него, помимо работы, ничего и никого! Он же все окружение замудохает, дятел недолюбленный! А ты еще говоришь, Дрейк уехал надолго. Порадуешься тут.

– Мда, надо бы Джону резиновую женщину, что ли...

– Живую ему надо. Жи-ву-ю! Мог бы, нашел бы уже давно для него кого-нибудь, но не могу – я ведь не будка-незабудка.

«Будками-незабудками» прозвали в народе не так давно установленные Комиссией новинки – кабины для поиска второй половины, которыми воспользовались, судя по опросу, почти пятьдесят четыре процента населения.

– А это мысль! – обрадовалась я. – Если бы Джон туда ходил, может, и выяснил бы, что для него тоже кто-то есть. И это бы его отвлекло.

– Еще бы! Только он туда не ходит. И силой не дотащишь. Зато все мозги нам за две недели вынесет – не сомневайся. Думаешь, у меня одного такие синяки? Да у всех – ты просто не присматривалась.

Мда, сложная ситуация. Джон действительно субъект непростой – чуть легче Дрейка на энергетике, но для обычной женщины все равно «неприкасаемый». А мысль про вторую половину для Сиблинга меня, однако, заинтриговала – интересно, существует такая или нет? Вот бы проверить.

– Слушай, а в этой будке всегда требуется личное присутствие?

– Это ты к чему?

– Ну, просто ворочаю мозгами.

– Ты это что?... Ты это про что думаешь?... – Эльконто даже растерялся – проследил за ходом моих мыслей и тут же расплылся в ухмылке. – Да он тебя с говном сожрет!

– Я же просто спросила про личное присутствие. И не говорила, что после этого приду к нему в кабинет и положу на стол листочек с именем.

А так сожрет, да. Как пить дать – сначала он, потом еще и Дрейк.

Но мысль все равно интересная.

Чтобы не ходить вдоль опасной темы, я перевела беседу в другое русло.

– Слушай, а кому Стивен оставил на время отъезда своего кота?

– Кому-кому, – фыркнули справа, – мне!

– И где ты его держишь?

– На втором этаже, блин! Барт пока живет на первом, а Пират на втором. Хотя изредка он все-таки спускается, и тогда все кувырком. И поверь, это не моя собака устраивает – это все его противный рыжий питомец!

– Ну да, ну да...

– Не веришь? Да я тебе записи с камер покажу! Особенно, когда нас нет дома, – он же такой же прохвост, как Стиви, – хитрый до безобразия!

– «Стиви» хитрый?

– А ты не знала...

Неизвестно, чем закончился бы наш разговор с Дэйном и в какие дебри завел бы, но в этот момент порядком взбодренные коктейлями Халк и Дэлл решили, что пора всем сухим представителям человечества «намокнуть», ибо последний день лета, ибо символ, ибо так и только так и должно быть!

И спустя секунду – ошарашенная, раздраженная и веселая одновременно – я уже мокла в зеленой на вид и теплой воде Эльконтовского бассейна.

Вот и проводили сезон.

Нечего сказать – славно получилось!

Домой после трех чудом очутившихся внутри коктейлей, часа игр на свежем воздухе и бурного прощания я вернулась навеселе. Тихо взобралась по лестнице, юркнула в дверь, хихикнула при виде дрыхнувших в корзине Смешариков – «пердушки на подушке» – и, не раздеваясь, упала на кровать. Дотянулась до выключателя, погасила ночник и долго лежала, глядя в темный поток и вспоминая вечер.

Хорошая вечеринка. Хорошо, что я на нее пошла, – шутки, веселье смех, знакомые и любимые лица... Не давали покоя только засевшие в памяти синяки на бедре Эльконто – неужели Джон в самом деле настолько озверел? Хотя, когда один да один, озвереть легко.

А мысль про «будку-незабудку» и в самом деле отличная – интересно, смогла бы она подобрать заместителю Дрейка вторую половину? Сумела бы найти ему подходящую женщину, если не на сто, то на восемьдесят процентов? А если не на восемьдесят, то, может, на шестьдесят или хотя бы на сорок?

И если женщина подошла бы ему на сорок процентов, то какого именно места Сиблинга она могла бы коснуться – руки, ноги, хкм... чего-нибудь еще? И надолго ли?

Я заворочалась, неуклюже стянула с себя одежду, сбросила ее на пол и, продолжая улыбаться глупым мыслям, завернулась в одеяло.

Все. Спать.

* * *

А утром, довольная жизнью, я нетерпеливо барабанила пальцами по поверхности гладкого стола, сидя в маленькой кабине и ожидая, пока на стене загорится экран. Кажется, меня

постепенно перестало гнестить и одиночество, и даже тот факт, что Дрейка я пока вижу лишь «за стеклом».

Снаружи солнечное утро, нос дышит; не терпелось поскорее начать занятие.

И вот ровно в означенное время – девять утра – экран засветился, и на нем показался благоухающий бодрым настроением Дрейк.

Не в привычной серебристой форме – в голубой рубашке. Причесанный, гладко выбритый, энергичный.

И все – и меня захлестнула тоска, я вдруг поняла, как сильно скучаю по нему. Конечно, жить с Клэр и Смешариками здорово, но хотелось засыпать и просыпаться на теплом мужском плече, вдыхать родной запах, заглядывать по утрам в любимые глаза – хотелось его – Дрейка – рядом.

– Привет, любимая! Как твоё утро?

И звенящий от улыбки голос лишь добавил моей тоске интенсивности.

– Было хорошо. Пока не увидела тебя.

– Я так плохо выгляжу? Уже надоел?

Я вздохнула.

– Как раз наоборот. Я вдруг поняла, как сильно мне тебя не хватает. Пока не видела, казалось, все хорошо, а тут твоё лицо... И всё.

Он понял без слов. Какое-то время молчал, улыбался, смотрел мягко – будто гладил пуховой варежкой.

– Иногда скучать – это тоже здорово.

– Иногда. Но я уже наскучалась.

– Потерпи. Две недели – не такой долгий срок.

– Целая жизнь.

Хотелось знать, что скоро все наладится, что он приедет, и будет здорово – ещё лучше, чем раньше.

– Вот вернешься и проведешь со мной целую неделю, ясно? Без работы. Совсем!

Я дулась, как ребенок, а он – противный – притворно ахнул:

– Целую неделю? Да за неделю можно разрушить или создать новый мир!

– Вот и будешь восстанавливать мой. Изрядно порушенный одиночеством.

– Договорились, – удивительно быстро сдался мой ненаглядный, но уже через секунду добавил: – Однако пообещай мне сменить свое убеждение, что без меня жизнь становится серой, на «без Дрейка начинается удивительное время, полное приключений, наслаждений и ярких красок. Другое, но не менее хорошее».

Я хитро ухмыльнулась.

– А не боишься?

– Не боюсь! Вот мы и перешли к теме сегодняшнего занятия: «Страх как один из видов стресса»...

– Погоди-погоди, – замахала я руками, – куда же ты так торопишься? Я дышу, видишь?

И, чтобы продемонстрировать, что мои дыхательные пути прекрасно функционируют, я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов через нос.

– Дышу! Насморк прошел!

– Вижу. Он и должен был уйти, если ты поняла тему предыдущего урока. А ты ее поняла.

– Подожди, Дрейк, не торопись. Скажи, это совпадение или все-таки...

– Все-таки?

– Ну, – я замялась – не хотелось ставить под сомнение его слова, но исчезнувший за двадцать одну минуту насморк не давал покоя моей по-старушачьи вредной логике, – я хочу понять, как это получилось? И действительно ли это сработало лишь потому, что я простила собственные стрессы?

– А почему еще?

– Может, ты... помог? Дистанционно?

– Для чего – чтобы ввести тебя в заблуждение?

С него станется.

– Так это был не ты?

– Нет. Это была ты сама.

– Тогда ты мог быть рассказать мне еще немного о том, какие стрессы ответственны за определенные болезни, чтобы я могла еще раз попробовать? Я хочу понять, убедиться.

Дрейк, наконец-то, превратился в самого себя, сложил руки на груди и взглянул на меня с иронией.

– Я уже пять минут как пытаюсь к этому перейти, но ты постоянно вмешиваешься в процесс обучения.

– Извини.

– Конечно, я дам тебе шанс проверить все это на себе еще раз, но в конце занятия, хорошо? А сейчас бы я хотел перейти к пояснению дальнейшего материала. Так пойдет?

Нет, этим утром он точно вместе с чаем принял «хитрина», «иронина» и пару капель веселья.

Я улыбнулась.

– Пойдет.

И мы начали.

– Стрессы. Как думаешь, какое количество их существует? Всего.

После непродолжительных размышлений, я предположила:

– Двадцать? Тридцать?

– А вот и нет. Ты увидишься, но основных всего три, а все остальное – их производные.

– Да? Какие это?

Я взялась за ручку – появилось ощущение, что кое-что неплохо бы записать.

– Вина. Страх. И злоба.

Подвинула к себе тетрадь. Записала.

– И все?

– Да. Любой из них может перетекать и менять форму как в усиление – «Вина – Страх – Злоба», так и в погашение – «Злоба – Страх – Вина». Хотя едва ли было бы верным назвать это погашением, ибо чувство вины может заново породить все остальное. Причем очень быстро.

Я перевернула ручку и задумчиво постучала колпачком по клетчатому листу:

– Что-то я не совсем понимаю – а как же все остальные стрессы? Такие, как обида, гнев, раздражение, беспокойство, растерянность, неуверенность, депрессия и прочие?

Дрейк выглядел довольным – он, наконец-то, приступил к тому, что хотел изложить.

– Давай я объясню подробнее, и после этого ты признаешь, что даже упомянутые в вашей святой книге под названием Библия семь смертных грехов подпадают под категорию перво-стрессов. То есть тех самых, которые я уже перечислил. Итак, чувство вины – оно понятно по своей сути?

– Вполне.

– Так вот именно чувство вины рождает в людях страх.

– А можно попросить о примерах?

– Конечно. «Если я буду плохим, меня не будут любить» – страх. «Если я не буду знать правила этикета, надо мной будут смеяться в ресторане» – страх, рожденный чувством вины «если я не умею, я плохой» или «я плохой, если я не умею». Здесь все ясно?

– Да.

– Тогда второй – собственно «Страх». Из всех существующих разновидностей страха я особенно выделю один – страх «меня не любят». Именно он присутствует в ста процентах людей в той или иной пропорции, и именно он приводит к тем мыслям, поведению и, как следствие, событиям, которые происходят в людских жизнях. И страх этот – огромный пласт в сознании. Невероятно большой.

– Погоди, я не совсем понимаю, что значит страх «меня не любят». А если я не влюблена в того, кто мне не отвечает взаимностью, во мне тоже присутствует этот страх?

– И еще какой. Давай перефразируем. Страх «меня не любят» можно описать другими словами:

страх «меня не ценят / не уважают / не слышат / не слушают / не считаются с моим мнением / обо мне не заботятся» – это все есть страх «меня не любят». Так же он может звучать, как «страх, что меня не будут любить». Теперь понятнее?

– Теперь да.

Я вновь принялась записывать, а Дрейк, тем временем, продолжал.

– Итак, чрезмерно усилившееся в людях чувство вины всегда перерастает в страх, а страх при слишком большой концентрации всегда перерастает в злобу. Так есть так было и так будет – это просто нужно понимать. Понимающий и знающий, как отпускать стрессы, человек станет человеком уравновешенным. Неуравновешенный же человек всегда будет поддаваться негативным эмоциям и в обязательном порядке болеть, ибо, как я говорил на прошлом занятии, – болезнь есть не что иное, как попытка тела вывести наружу негативные эмоции – стрессы. Как положительные, так и отрицательные. Ясно?

– Ясно. А бывают и положительные стрессы?

– Конечно. Избыток радости, например.

– А чем он плох?

На этот раз в глазах Начальника мелькнула укоризна – ого, я почти успела по ней соскучиться.

– Дина, я просил тебя начать читать «Рефлексотерапию», помнишь?

– Помню.

– Думаешь, зря просил?

– Думаю, нет. Я начну.

Мой учитель успокоился – упрек в глазах временно погас.

– Так вот, когда ты начнешь читать труд древних мудрецов вдумчиво и внимательно, ты поймешь, что болезнь может родить переизбыток любой эмоции. Потому что все они взаимосвязаны друг с другом, и перехлест одной из них, всегда приведет к появлению другой – следующей по кругу первоэлементов или же противоположной ей. Уже из первой таблицы ты узнаешь, что как Огонь всегда перетекает в Землю, а следом Металл, Воду и Дерево, так и избыточная Радость всегда породит сначала Сомнение, затем Печаль, Страх и следом Гнев – назовем ее той же злобой. Элементы всегда сменяют друг друга – эмоции тоже. Но только в том случае, если их интенсивность выходит за допустимые для нормального состояния рамки. Следишь за моей мыслью?

– Относительно, – информация шла большим потоком, и я чувствовала, что в застенографированных мной строчках еще придется разбираться и разбираться. – Так я правильно поняла, что все болезни рождены основными стрессами – чувством вины, страхом и злобой?

– Да.

– А как тогда быть с обидой?

– Это разновидность страха «как вы смели меня не услышать / не понять / не оценить? Значит, вы меня не любите».

– А горечь?

– Разновидность страха «зачем я старался, если никто не оценил? Меня не любят».

– Так, понятно.

Подобные разговоры почему-то напомнили мне анекдот про студента, который на экзамен по биологии выучил лишь один билет – про блох.

«Если бы у рыбы росла шерсть, то в ней обязательно водились бы блохи...» Так и этот страх «меня не любят» присутствовал, казалось, во всем.

– А гнев?

– Рожденная из страха злоба «Ах, не любите меня? Ну, тогда я вам покажу!»

– А гордыня? Ты ведь говорил про семь смертных грехов? Как быть с ней?

– Гордыня есть не что иное, как скрытый в человеке страх быть хуже других, который толкает его на свершения. Он звучит так: «Чтобы вы меня полюбили, я докажу вам, что умею это, это и это». А как только человек доказывает что-либо, то тут же начинает презирать других. А презрение есть не что иное, как мстительная Злоба «Ну, что, увидели, что я лучше? А вы все хуже – вы этого не умеете! Теперь вы дураки!».

Ох... Хорошая выходила цепочка.

– Я наглядно демонстрирую?

– Очень даже.

– Так вот спешу заметить, что Презрение – один из худших видов злобы, который направлен на уничтожение других, то есть на отмщение, что уже совсем плохо, ибо карается одной из худших болезней.

– Какой?

– Раком.

Я притихла – веселость из настроения ушла.

Дрейк, может, рассказывал все в чуть шутливом тоне, приправив это насмешкой, но рассказывал он вещи серьезные, очень серьезные, и отнестись к подобному знанию следовало с должным вниманием.

– А кем карается, Дрейк? Если я презираю других. Откуда берется рак?

Серо-голубые глаза смотрели с экрана весело и невесело одновременно – глубокие глаза.

– Давай ты сходишь в фойе, выпьешь чашку кофе, а потом мы продолжим, хорошо? Тебе нужен отдых – пяти минут хватит.

– Ладно. Но в фойе никогда не было кофейного автомата.

– Я приказал его там поставить.

Правда? Здорово.

Возможность размять затекшие ноги и взбодриться любимым напитком заставила меня без промедления подняться с места.

– Через пять минут буду на месте.

– Угу. Жду.

Он уже отвернулся и что-то читал. Все такой же красивый. Все такой же умный и такой же далекий.

Кофе в пластиковом стакане оказался удивительно хорошим на вкус – терпким, насыщенным, крепким. И, помимо меня, его никто не пил. Потому что, помимо меня, в длинном белом коридоре, размеченным прямоугольниками дверей, никого не было – ни души.

Я наслаждалась горячим напитком, не торопясь. А пока пила, думала.

Люди болеют – это факт. И люди испытывают эмоции – тоже факт. Но неужели взаимосвязь между всем этим настолько прямая и настолько устрашающая? И почему, если так, мы так мало об этом знаем? Неужели бактерии, вирусы и различные инфекции – всего лишь мало-значительный фактор, играющий роль провокатора заболевания лишь в том случае, если тело ослаблено стрессом? И если это так, почему так мало работаем с собственными стрессами, дабы избежать последствий на физическом уровне?

Потому что мало знаем – круг замкнулся.

А если бы у людей был источник информации, описывающий, что и от чего зависит? Как, например: обида рождает насморк, печаль, как говорил Дрейк, отеки, гнев – болезни печени или почек, а злоба, допустим, кариес? Стало бы в этом случае нам, людям, проще?

Стало бы – я в это верила. Знай мы наверняка, что презрение породит рак – стали бы кого-нибудь презирать? Решились бы быть самому себе врагом, подвергли бы тело страшному испытанию, заставили бы его намеренно испытывать страдания и боль?

Нет. Большинство из нас нет.

И у Дрейка такая информация была – была эта бесценная таблица, этот необыкновенно нужный пласт знания, эта сверкающая крупица, способная вылечить если не всех, то многих.

И я пребывала в твердой решимости выведать детали и подробнейшим образом их записать.

– Давай представим, что существует некая Формула Всевышнего, Великая формула самого Создателя – программа, предназначенная для того, чтобы «воздавать и карать» по поступкам. А мысль, к слову говоря, – это тоже поступок, равно как и излучение во вне негатива. Ведь понятно, что следить за каждым шагом каждого человека – задача сложная и крайней энергозатратная, а вот Формула – она работает постоянно, и что самое главное – она везде, в каждом человеке, и она *абсолютно все* видит изнутри.

– Это как Карма?

– А она и есть Карма. Только при жизни. Сейчас объясню...

Я вернулась из коридора раньше – пяти минут не прошло. Наполовину выпитый кофе теперь стоял рядом – на стаканчике красовалась картинка с жареными и дымящимися кофейными зернами, – моя ручка порхала над листком, строчила записи. Дрейк, я знала, не мог не заметить вспыхнувший во мне к изучаемой теме интерес, а потому радовался.

– Многие думают, что для того, чтобы получить по заслугам, требуется ждать Великого Божьего Суда, а это не так.

– Его нет?

– Смысл не в этом. А в том, что ждать ничего не нужно, потому что Формула, о которой я говорю, и есть в каком-то смысле этот самый суд в реальном времени. О чем бы ты ни думала, что бы ни совершала, какие эмоции бы ни испытывала – все это видит Божья формула и по результатам проходимых тобой ежеминутно «тестов» рассчитывает баллы – ставит «плюсы» или «минусы». Это, если очень упрощенно. Прошла тест хорошо? Плюс одно очко. Очень хорошо? Плюс два очка и хорошее событие в жизни. Прошла плохо? Минус бал и беда на пороге.

– Жутко.

– Но ведь так и есть. Мы живем в подобном режиме и сами же его не замечаем. Делаем плохое, получаем плохое как результат и сами же недоумеваем, откуда оно пришло? Делаем что-то хорошее, мудрое, ничего взамен не ждем – а только так и делается мудрое – без ожиданий, – и, на тебе, случается нечто прекрасное. Связь есть и она очевидна, но не для всех, так как события могут быть растянутыми во времени.

– А почему ты вообще заговорил об этой формуле?

– Потому что она учит нас быть мудрыми. Посылает уроки тем, кто их плохо проходит, награждает тех, кто учится быть рассудительными. Тело делает то же самое: на глупость реагирует болезнями, на мудрость отменным здоровьем. Связь этих вещей еще более очевидная, нежели связь у той самой невидимой Формулы, которая-таки существует независимо от того, веришь ты в нее или нет.

Не Формула, а Большой Брат какой-то.

– А Небесный Суд уже определяет, какой путь дальше предстоит пройти человеку, базирываясь на конечных расчетах Формулы для каждого при жизни?

– Примерно так. Но мы не будем в это углубляться. Я хотел сказать о другом: наше тело, как светофор. Как прекрасный индикатор того, что в нашем сознании происходит что-то не то. Оно ведь поделено на зоны, и по каждому участку, по каждому симптому, по каждому проявлению болезни – будь этот симптом наружным или внутренним – можно точно сказать о прорехах в нашей рассудительности. О том, где именно мы еще не научились быть мудрыми.

Интересно, а болеет ли сам Дрейк?

Этот вопрос я вслух задавать не стала – знала ответ сама: нерассудительный человек не мог бы стать Творцом, а если он им все-таки стал, значит, с уравниванием и количеством стрессов у такого индивида все в порядке.

– Хочешь сказать, болезнями тело сигнализирует нам о том, в каком месте лечить ум?

– Именно.

– А существует ли толковый словарь всех симптомов? Так называемый разговорник с телесного на человеческий? Подобная книжонка была бы очень полезна.

Он улыбался. Сейчас совсем не Великий и не Ужасный, но довольный моим рвением к знанию Дрейк. «Это моя Дина, – говорили его глаза, – моя ученица» – переливающуюся через экран в комнату гордость я чувствовала кожей – приятно.

– Эту тайну я раскрою чуть позже. А пока вернемся к твоему желанию убедиться в том, что все то, о чем я говорю, – правда.

– Ты недопонял. Я не сомневаюсь, что все это правда, просто, – я запнулась, силясь подобрать слова. Так много хотелось узнать, спросить, прояснить, и так важно было найти для этого верные выражения, – не верится, что болезни – совсем не то, чем мы привыкли их считать. Неужели за выпадением волос на голове тоже стоит стресс, а вовсе не нарушенный обмен веществ, генетика или какой-либо грибок?

– Верно. Именно стресс. И выпадение волос можно вылечить, не используя ровным счетом никакие средства.

– А зубы? Слух, зрение – тоже можно?

– Можно. И ожирение, и даже целлюлит.

Мои брови поползли вверх:

– Целлюлит тоже порожден стрессом?

– Брешь в рассудительности, порожденной одним из видов страха, если быть точным.

Ух ты... Не верится, просто не верится.

– И все это можно излечить не таблетками, а... прощением?

– Верно.

– Но почему прощением, Дрейк? Почему не танцами с бубном, не какой-либо практикой, не прямым вмешательством в энергетические процессы тела...

– Потому что прямое вмешательство в энергетические процессы тела большинству людей попросту не под силу, а вот прощение – это именно то, что Создатель оставил доступным каждому.

– Но как? – я всплеснула руками и отложила ручку. Следующий вопрос занимал мой ум едва ли не половину вчерашнего вечера. – Как это работает? Почему? Почему оно **ВООБЩЕ** работает?

Теперь он смеялся – мой учитель. Тепло и негромко. А после спросил:

– А как ты сама думаешь?

– Не знаю. Правда, не знаю. Я размышляла об этом весь вчерашний день, но так и не поняла.

– Пояснить?

– Конечно!

– Хорошо. Потому что «прощение», Дина, – это синоним слову «осознание», «переосмысление». Ты не можешь простить себе самому ошибку, если не поймешь сам факт того, что это ошибка. Перед тем, как что-либо простить, ты анализируешь совершенное действие – причины и следствие, – а после делаешь новые умозаключения насчет старых поступков. Ты ПЕРЕОСМЫСЛЯЕШЬ. И тем самым ты как бы говоришь Богу – я понял, я научился, видишь? И если ты научился на самом деле, если ты осознал, где совершал ошибку, то об этом узнает и Божественная Формула.

– И поставит тебе плюс один балл?

– Не важно, сколько именно она тебе поставит, хотя это напрямую влияет на твою дальнейшую жизнь. Важно то, что тебя слышит и твое тело, которое после переосмысления помогает с помощью прощения отпустить накопленную внутри негативную энергию. И тогда болезнь уходит.

– Совсем?

– Когда как. Иногда совсем и сразу. Иногда на это требуется время, так как оно требуется на само осознание, иногда все это не работает вообще – такое случается в случае, если человек не желает анализировать ошибки, а желает лишь излечиться и для этого мысленно талдычит «прости-прости-прости» без всякой пользы. Кого «прости» и за что, если ты как был глупым, так и остался? Формула видит, как я уже говорил, изнутри, и ее не обмануть.

По всему выходило, что прощение есть огромная работа над собой, над собственными ошибками. И тогда, как ни странно, все вышесказанное приобретало смысл и начинало представляться процессом, хоть и не простым, но (ура бабке-логике, которая, наконец-то, ушла в нокаут) адекватным, правильным, то есть логичным.

– Я хочу проверить. Проверить еще раз, – моей решимости не было предела. – Хочу вылечить что-нибудь еще раз.

Человек на экране усмехался.

– Не вижу, чтобы у тебя что-нибудь болело. И вообще, судя по моим сканам, ты достаточно здорова – как ты собираешься это проверять?

Достаточно, но не полностью. О том, что у меня, начиная с пятнадцати лет, время от времени ныла спина, я Дрейку не говорила – ноет, и что с того? У всех, наверное, ноет – так я относилась к этому раньше. Теперь же хотела понять причину.

– У меня иногда болит спина. Ноет.

– Какой отдел – грудной, поясничный?

– Грудной. Ноет иногда подолгу и так, что трудно сидеть или стоять. Потом унимается, какое-то время не напоминает о себе, затем появляется вновь. В чем причина? Что мне нужно переосмыслить, а затем себе простить?

Ответ последовал сразу и без промедления:

– Чувство долга.

Я удивилась.

– Но ты же говорил, что все идет от трех основных стрессов: вины, страха или злобы? При чем здесь долг?

– При том. Что такое чувство долга? Это чувство вины: «Если я не схожу в магазин, меня отругают», «если не куплю продуктов, не из чего будет сварить суп», «если не буду хорошо учиться, меня не похвалят» (и, значит, я буду плохой – «виноватый»), «если не заработаю больше, не смогу помочь близкому человеку...» и так далее и тому подобное до бесконечности. Общий перевод всего: «Я снова буду плохим и виноватым».

– Но ведь так и есть?

В том, что он только что перечислил, была не только горечь, но и изрядная доля правды. А как же еще? Мы все кому-то что-то должны. Всегда.

– Дина, ошибка заключается в том, что ты делаешь хорошие дела, исходя из чувства вины. Не радость, не свобода воли толкают тебя на совершение хороших поступков, а принуждение. Страх того, что если ты этого всего не сделаешь, будешь виноватой. Понимаешь? Ты твердишь себе: «Я должна, я должна, я должна...», хотя на самом деле ты никому ничего не должна – это твой выбор – делать или не делать.

– Но *делать* в данном случае кажется верным решением. Лучшим.

– Да! Но без принуждения, не из страха, что если не сделаешь, тебя не будут любить – сама себя не будешь любить, улавливаешь? Думаешь, если ты отпустишь это вечное «должна», то перестанешь вести себя ответственно?

– А не перестану?

– Нет! Но вместо того, чтобы делать эти вещи из страха, ты начнешь делать ИХ ЖЕ из радости. Чувствуешь разницу? А пока ты руководствуешься не той мотивацией, твое тело страдает. Область позвоночника – это область принципов. Грудной отдел – чувство вины. Твоя спина ноет из-за твоих же собственных «должна» и не перестанет, пока ты не отпустишь само-принуждение.

– А если отпущу?

– Для начала отыщи их всех. Найди внутри, осознай. А после прости.

– И моя спина перестанет ныть?

– Ну, это ты мне об этом и скажешь, не так ли?

Он снова был тем же Дрейком – хитрым, чуть надменным, с дьявольским огоньком в глазах и приправой из перца в голосе.

Я записала на листе: «Спина. Грудной отдел. «Должна»».

– Я прощу. И расскажу тебе о результатах.

– Я буду тут и буду ждать.

Он улыбался.

Я любила его – этого мужчину. До бесконечности, которая красовалась в виде символа на подаренном им кольце.

– Мы закончили?

– На сегодня да.

* * *

В другой раз я с любопытством изучала бы интерьер незнакомого кафе, куда зашла впервые в жизни, но теперь, спустя двадцать пять минут после занятия, мои потерявшие фокус глаза не видели ни стоящую на столе чашку с чаем, ни подставку с веером салфеток, ни ламинированного осеннего предложения – «при покупке двух кексов с начинкой, кофе в подарок...», ни целующейся у окна парочки.

Погрузившись внутрь себя настолько глубоко, насколько это вообще возможно, я вновь сидела рядом с воображаемой частью себя – Динкой двойником – и молчала. И она – хмурая, недружелюбная и набыченная – угрюмо молчала тоже.

– А что ты должна и кому? – наконец спросила я без предисловий – мне хотелось это понять. Нет, не затем, чтобы вылечить спину – на данный момент она не болела, – но затем, чтобы разобраться в том, оказался ли Дрейк в очередной раз прав.

– Кому? И что? – повторила я с нажимом.

– А ты не знаешь! – ответили мне с таким количеством ехидства, что впору было им подавиться.

– Не знаю. Ведь никому, ничего?...

– Ну да, как же...

– Поясни.

– Только не прикидывайся, ладно? – мое отражение жгло меня взглядом, а в глазах плескался страх, отчаяние и боль. Неужели это я? Неужели все так плохо? – Я должна везде и всем. ВЕЗДЕ! Следить за мамой и ее проблемами – чтобы она не болела, чтобы у нее хватало денег, чтобы ничего не случилось. За бабушкой тоже. Должна быть прекрасной ученицей...

– Ты и так прекрасная ученица...

– А Тайра? Она видит и понимает больше, у нее врожденные способности видеть, и если я не буду нажимать и подгонять себя, кем я стану через месяц? Кем? В своих собственных глазах?

Я молчала. Да, рядом с Тайрой иногда комплексуешь – подруга умела многое из того, чего не умела я.

– Я должна быть все время на связи, потому что, если кому-то понадобится «прыгнуть»... Должна беречь силы, постоянно выполнять энергосберегающие практики. Должна уметь держать лицо, должна всех понимать, должна соответствовать Дрейку, потому что он... он Великий! Я всегда должна быть лучше всех, чтобы доказать, что достойна быть здесь, в этом мире – что я не изгой, не иждивенец, не сраный иммигрант, которого здесь приютили и держат из жалости...

– Да что ты такое говоришь?

– То, что ты на самом деле думаешь!

Я возмутилась, да, но лишь внешне, так как где-то глубоко внутри знала, что она права, – я именно так и думала. Хлестала себя невидимой хворостинкой, гнала вперед, училась быть лучше, умнее, правильнее, не позволяла себе поблажек, не слушала собственное нытье и теперь воочию увидела ту часть себя, над которой все это время издевалась. Себя саму – жалкое зрелище. Согнутая под гнетом спина, опущенные уголки губ, затравленный взгляд, вечный страх «а что, если кто-то будет лучше?» и безнадегу от того, что никогда не смогу свалить с плеч это ярмо, – нести мне его и нести до конца жизни.

Ведь я сама это выбрала.

– А что, если ты не станешь ничего этого делать?

– Не стану? – в голосе двойника сквозило откровенное ехидство. – И кем я тогда буду? Кем? Безответственным говном? Не человеком, а дерьмом на ножках? Слабаком?

Да, мое отражение слов не выбирало, и от прямоты становилось еще большее.

– Для кого ты им станешь? Никто не посмеет тебя осудить...

– Да я САМА СЕБЯ ОСУЖУ! САМА! Кем я буду в собственных глазах, если перестану заботиться о матери? Кем, если не смогу помочь отряду в нужный момент? Кем, если опущусь до внешнего вида кухарки, находясь рядом с самым великим человеком этого мира? За что мне останется себя уважать?

– Да уважают ведь не за это!

– А за что?!

– А просто так! За то, что человек просто есть. И любят его тоже просто так – за то, что есть.

– Ты сама-то в это веришь?

– Верю, – вдруг неожиданно жестко ответила я. – Стань ты самой худшей ученицей этого мира, и я все равно буду тебя любить.

– Ну да, как же...

– И можешь ни разу больше не наложить макияж и не сделать прическу – ты не станешь для меня хуже. Я буду. Тебя. Любить.

– Да не ври ты мне! – взвизгнул образ.

– И пусть кто угодно думает, что ты – иждивенец, сраный мигрант в этом мире, – но я-то знаю, что ты самый лучший человек. ЗНАЮ. Ты в любом мире была бы самой лучшей!

У нее дрожал подбородок. Она не верила мне – не могла, боялась. Что это все пустое, что все – слова, что стоит попробовать перестать выкладываться, изнашивать себя, как и прежде, на двести процентов, и любовь к самой себе потеряется, исчезнет. Оказывается, это очень страшно – бояться, что перестанешь любить себя сам. Едва ли есть что-то страшнее.

– Я буду плохая, – шептала Динка-двойник, а по ее щекам покатались слезы. – Я ведь тогда не буду соответствовать ожиданиям...

– Давай простим это чувство вины...

– Я буду плохая, – она меня не слышала – она боялась до дрожи в конечностях, до паники.

– Не будешь. Ты никогда не будешь для меня плохой, слышишь? Даже если вот разом перестанешь делать что-либо хорошее, нужное или важное, если вообще ни разу в жизни никогда никому не поможешь. Я всегда буду любить тебя, понимаешь? Всегда. Я обещаю.

– Плохая, плохая, плохая... Боюсь... Как страшно...

Теперь она лежала на полу и дрожала. Корчилась на нем, каталась, дергалась в судорогах, страдала от наличия в себе негативной энергии, а я сидела рядом, гладила ее по спине и как заведенная шептала: «Я прощаю себя. Прощаю себе это огромное чувство вины, которое впитала за годы, которое взрастила до состояния паники, но все это время давила в себе... Я прощаю...»

Я просила прощения у чувства вины за то, что долго не отпускала его на свободу, когда оно на деле не желало мне зла и явилось лишь для того, чтобы научить меня не быть виноватой. И оно – это чувство вины – хотело домой, хотело уйти на свободу, – я отпускала. Я прощала саму себя, хоть это и было тяжело, за извечное принуждение – за то, что все мое хорошее вдруг обернулось плохим, ибо я давным-давно перестала совершать это из радости и превратила все в чувство долга.

Господи прости, я была дурой...

А еще я просила прощения у тела. За то, что оно все это время, не имея возможности сказать ни слова, страдало, болело и пыталось вывести эту боль через спину. Сигнализировало мне, ждало, чтобы его услышали, терпело молча.

– Прости меня, тело. Нет еще во мне той рассудительности, которая, возможно, когда-нибудь придет. Я очень часто бываю глупой, ты прости, если можешь, ладно?

Не знаю, сколько прошло времени и излечилась ли моя спина, – в этот раз я действительно работала не ради верхушки айсберга (да и не помогло бы – о, великая Формула!), а ради его основания, – но когда я открыла глаза, мой чай окончательно остыл, официантка поглядывала на меня встревоженно, а парочка у окна исчезла.

Ощущая себя странно – отвалившейся от времени и пространства и будто бы прошедшей через пару кругов очистительного огня, – я потянулась к сумочке и достала кошелек – пора расплатиться и пойти подышать.

Я это сделала.

Умело или нет, но я себя простила. И теперь чувствовала себя намного лучше, потому что Динка-двойник, до того бившаяся в судорогах на полу, в какой-то момент затихла, выпихнула из себя, наконец, черное облако, превратилась в чистый сияющий силуэт, а после обняла меня и полностью растворилась.

У меня вышло.

Если не все, то хотя бы что-то.

Следующие полчаса я бесцельно бродила по улицам: парки, скверы, кованые заборы, фонтаны, бордюры, редкие на тротуарах опавшие листья – скоро их станет много. Небо еще звенит от синева, но вскоре побледнеет, выцветет, станет не лазурным, но похожим на блеклый старушечий глаз; отцветут и превратятся в нечесаное сено густые волосы цветов на клумбах – пропадут яркие шапочки, закачаются на ветру голые бурые стебельки. Но еще не сейчас.

Первое сентября.

Смена сезонов.

Нет, в этот день на улицах Нордейла не галдели толпы школьников – не мелькали белые фартуки, не покачивались, завернутые в целлофан, острые пики гладиолусов, не звенели отовсюду протяжные трели первых звонков, не улыбались, предвкушая долгий и, вероятно, сложный год учителя. Учителя были – не было из-за отсутствия рождаемости детей.

А вот разномастные студенты сновали группами: аккуратные, вихрастые, веселые, серьезные, очкастые, стильные, громкие, скромные, худые, толстые... – настолько разные, что не хватало сравнительных синонимов. Проходя мимо одного из главных университетов города, я разглядывала людей – людей Мира Уровней, – они всегда чем-то отличались для меня. Чем – лицами? Позами? Жестикуляцией? А, может, тем, что не стояли, как наши, уткнувшись в телефоны, и не проверяли ежеминутно лайки на своих постах? Не щелкали телефонными камерами, коллекционируя тонны селфи, не наживали себе из-за отсутствия соцсетей (спасибо Дрейку) ненужные комплексы, не прятались за аватарами-масками, а вместо этого выходили на улицы, общались, смеялись, шутили друг над другом и были настоящими? Не виртуальными, состоящими из сложных символов никами, а живыми людьми. И этим подкупали.

Университет остался позади, и моментально утихло бурление жизни. Я отыскала ближайшую лавочку, уселась на нее и прищурилась от пробивающегося сквозь густую листву солнца. Засунула руки в карманы, посмотрела на небо.

Итак, что имеем – осень? А осень, как известно, время чудес. И прав был Дрейк, когда сказал: «Да, пусть на данный момент в городе нет меня или Тайры, но это не значит, что у тебя должно быть скучное время. Сделай его – этот период – золотым. Ярким, насыщенным, интересным».

Вот именно этим, сидя на потрескавшихся теплых досках, – сменой ненужных и устаревших убеждений – мы и займемся.

И я плотоядно улыбнулась.

На неприметную будку, принадлежащую сервису «Моя вторая половина» и аккуратно затесавшуюся между двумя архитектурными строениями с лепниной по карнизу, я наткнулась по пути домой. Наткнулась, подошла ближе, долго рассматривала собственное отражение в зеркальном стекле, но зайти внутрь так и не решилась, хоть и рвало на части любопытство.

Конечно, как же! Стоит мне шагнуть через порог, как система Комиссии тут же доложит Дрейку о том, что его ненаглядная Бернарда сунула нос в «незабудку», и это, как говорилось в одноименном фильме, «при живом-то муже!».

Вот Дрейк тогда задаст мне пару каверзных вопросов... А, может, и не задаст, но легче от этого не станет – если бы подобную будку когда-либо посетил он сам, комплексы неполноценности, несмотря на уже изученные методы прощения, мучили бы меня до конца жизни. Да-да. «Зачем ходил? Что хотел узнать? Меня ему мало?»

Ужасы нашего городка.

Нет, я вовсе не собиралась проверять, является ли Дрейк моей второй половиной – знала это наверняка, – но вот отделаться от интереса «а как именно устроена система распознавания личности?» никак не удавалось. Требуется в ней личное присутствие «объекта» или же нет? Производится ли сканирование внешности, голоса и сетчатки глаза, или же хватает банального отпечатка пальца?

Изнывая от неутоленного любопытства, как от дичайшей жажды, я кое-как заставила себя отлепиться от стекла и зашагала прочь.

Вот вернусь домой и досконально расспрошу того, кто эту будку недавно посещал, – мою милую и обожаемую Клэр. Уверена, она не станет скрывать подробности.

– Дина, да не помню я! Вот хоть убей – не помню.

– Совсем ничего?

– Ну, я же волновалась. Там все, наверное, волнуются, ведь приходят искать не кого-то – свою судьбу. А вдруг экран покажет невесть кого, что тогда делать?

Она стояла у плиты и помешивала суп – с новыми в ушах сережками-каменьями, с уложенными в сложную прическу локонами, в расшитом вручную переднике. Не экономка, а белокожая красавица-цыганка. Наверное, они с Антонио собирались пообедать в очередном ресторане, блюда которого хотели совместно продегустировать – именно это занятие не так давно в виде хобби вошло в привычку наших поваров – пробовать чужие блюда и создавать на их основе новые рецепты.

– Ну, ты прикладывала куда-нибудь палец?

– Палец точно прикладывала, помню.

– А тебя просили посмотреть куда-нибудь? Мол «стойте неподвижно – мы сканируем сетчатку глаза»?

– Вот этого, по-моему, не было. Но ведь я могла забыть – все смотрела на экран, все ждала, когда же он кого-нибудь покажет.

Оно и понятно, я бы тоже ждала.

– А лазеры? Я слышала, что раньше там производилось сканирование данных прямо из головы, но потом эту систему заменили на более простую.

– Лазеры? – Клэр качнула темноволосой головой и бросила на меня задумчивый взгляд. – Нет, лазеров точно не было. Их бы я запомнила.

В этот момент в кухню белым и рыжим вихрем залетели разыгравшиеся коты, едва не снесли, пытаясь развернуться на гладком полу, табурет, заскоблили по паркету когтями, и Клэр пригрозила им поварежкой:

– А ну-ка кыш, охломоны! Играть будете в коридоре, а не на кухне, а то убирать мне потом за вами до вечера. А мне выходить через полчаса!

Тема будки «Моя вторая половина» была временно позабыта.

Но ненадолго.

У Логана Эвертона – лучшего хакера Уровня и по совместительству моего коллеги – никогда не было ни котов, ни собак, а потому от разговора по телефону его никто не отвлекал. Благо и настроение для подробных ответов на вопросы у него оказалось подходящим:

– Лазерное сканирование? Нет, давно не используется, убрали. Зачем лезть прямо в голову, если по отпечаткам, сетчатке и голосовому распознаванию система с точностью до ста процентов определяет, кто перед ней, и сопоставляет данные с базой?

– А если человек молчит?

– Тогда она воспользуется двумя параметрами: отпечатком и сканом сетчатки.

– А если посетитель в темных очках?

– Тогда одним параметром. Но, скорее всего, из соображений безопасности подключит второй, так как отпечаток легко подделать. А почему ты, собственно, все это спрашиваешь?

Расхаживая по собственной спальне и поглядывая то в окно, то на собственное отражение в высоком зеркале шкафа, я кусала губы, пытаясь придумать правдоподобное объяснение своему любопытству. Не скажешь ведь прямо: «У меня появилась мысль проверить в «незабудке» отпечаток пальца вашего текущего шефа. Зачем? Ну, хотя бы затем, чтобы временно отвлечь его от дел отряда и, как следствие, обеспечить Дэйну спокойный день рождения». Э-э-э, это достойная причина для того, чтобы слегка переступить закон? Совсем чуть-чуть. К тому же, ответ будки всегда может оказаться отрицательным, и тогда мое любопытство растворится, как не бывало.

Не придумав ничего лучшего, я по-милиейски коротко и почти грубовато ответила: «Надо».

Хакер на том конце усмехнулся.

– Хорошо. «Надо». Но ты ведь не только затем позвонила, чтобы поинтересоваться, как все работает? Наверняка хотела попросить о чем-то еще?

Еще один «зрячий в корень» – мне на них везет.

– Хотела, – я вновь замялась. Наверное, можно было бы оставить эту идею в покое – забыть о ней, спокойно жить до возвращения Дрейка, предоставить Дэйну самому заниматься своим праздником и всем, что с ним связано, но, увы, мне самой хотелось приключений. Да, вот так банально – я же пообещала себе, что эти две недели станут для меня «золотым временем»? Так почему бы и не подобным способом? – Скажи, ты смог бы временно... подладить под требуемые условия функционирования одной из будок? Скажем, наименее посещаемой?

– На какой период?

– На полчаса.

Непродолжительная пауза.

– Мог бы. А в чем именно заключается «подладка»?

– В том, чтобы система временно перестала запрашивать скан голоса, отключила голосовое распознавание и ни в коем случае не отправила отчет о запросе в общую базу Комиссии. Так можно?

– Ого! – в трубке присвистнули. – Ну, при хорошей мотивации можно все. Хочешь, чтобы кто-то чего-то не узнал?

– Хочу. Как думаешь, нам не дадут за это по шапке?

– Ну, я бы не числился хакером Комиссии, если бы за свой код получал по шапке, не так ли?

Логично. И самоуверенно. В общем, исключительно то, что нужно. Осталось разузнать главное, поделенное на два вопроса:

– Сколько времени займет создание такого кода, как ты думаешь?

– Несколько часов.

– А какая мотивация стала бы приемлемой, чтобы ты взялся за дело? Есть ли что-то такое, что могу сделать для тебя я, но не может никто другой?

На том конце задумчиво помолчали, затем с усмешкой ответили: «Есть».

Вот уж чего я никогда не знала, так это того, что Логан пристрастился к снюсу. Нет, он как мог, оправдывался, что вовсе «не пристрастился», просто однажды его где-то достал Халк, и сей продукт показался Логану интересным. Угу, завлекательным – жевательный табак в мешочках с высоким содержанием никотина и низким канцерогенов, помещаемый между губой и десной минут, эдак, на сорок. Бездымный табак – вот, как его называли. И где бы, кто бы мог подумать, его достал Халк? В Швеции, конечно. Когда пребывал там в последний раз в моем присутствии...

Я нажала «отбой», положила телефон на тумбу, удивленно покачала головой и улыбнулась – в конечном итоге, снюс так снюс – результат того стоил. Хорошо, без проблем, выберу время и посету Стокгольм – посижу на лавочке, полюбуюсь на озеро, корабли и чаек, послушаю шведскую речь.

А за это получу вожделенные полчаса в «будке-незабуке».

* * *

Белый курсор равномерно мигал на темном полотне экрана. Где-то там, преобразованные из бинарных символов-слов в мысли-сообщения, которые получал Дрейк. Далеко. На тридцатом Уровне.

«А почему нужно обязательно прощать три составляющих? Себя – понятно. Просить прощения у тела – тоже понятно. Но всегда ли нужно прощать обидчика? Ведь бывает так, что виноват не ты, а кто-то другой?»

Ответ пришел несколько минут спустя – пришлось ждать.

Пришел и удивил.

«Не бывает. Другой человек может осознанно или неосознанно всколыхнуть твой стресс, заставить его показаться наружу, то есть спровоцировать. Но означает ли это, что виноват провокатор? Или же виноват тот, кто не сумел адекватно отреагировать?»

Прежде чем написать что-то еще я долго размышляла, хмурилась. Затем настрочила:

«Значит, виноват всегда только ты сам?»

«Если говорить простым языком, то да. Но чувство вины – это тоже стресс. И когда некто провоцирует тебя на неадекватные действия, нужно не просто простить его, а еще и поблагодарить за то, что он указывает тебе на твои же ошибки».

«А своих у него нет?»

«Свои есть у всех. Но главные для тебя – твои собственные. Запомни, отучись винить в чем-либо других. Вообще. Навсегда».

На том мы беседу и завершили.

* * *

Шесть вечера. За окном тихо теплится ранний закат, кружат в пятнах солнечного света над прогретой брусчаткой аллея сбившиеся хороводом мошки, чиркает садовыми ножницами, подстригая кусты (без ягоды чарины) сосед за забором.

Дэйн по телефону ответил просто: «Я дома. Да, уже вернулся из штаба, так что просто заходи-залетай в гости. Где найти, знаешь».

И спустя непродолжительное время мы уже сидели на шезлонгах у того самого бассейна, где накануне состоялась вечеринка.

Сегодня это место выглядело иначе: не празднично-цветастым, но мирным, спокойным, домашним – стоячая в прямоугольной мраморной раковине вода, несколько занесенных с деревьев ветром листьев на поверхности, полное отсутствие ряби. Мои ноги приятно грел теплый от солнца матрас, на ступнях болтались безразмерные хозяйские тапки. Здоровяк Эльконто сидел рядом – в домашней рубашке с коротким рукавом и необъятных – ему в самую пору – хлопковых шортах.

Меня всегда смешило представлять Ани, пытающуюся примерить вещи любимого мужчины – наверное, в них она могла завернуться дважды, а то и трижды, как в корабельный парус. Огромные майки – километры ткани, – штаны-трубы, куда поместилось бы четыре ее самой, «Гулливеровы» говнодавы в прихожей...

Когда любишь, однако, все в радость – в том числе и размер. А в этом доме друг друга любили.

– А где твоя ненаглядная?

– Ушла выгуливать Барта. Куда-то на стадион, чтобы и самой побегать.

– Ясно. А ты рано сегодня, думала, придется искать тебя в штабе.

– Да подменился чего-то, захотел отдохнуть.

– После вчерашнего?

Мы синхронно улыбнулись – поняли друг друга без слов. Вчера Дэйн пропустил пару-тройку лишних коктейлей и теперь слегка маялся – Лагерфельд в отпуске, снять похмелье некому, а от таблеток, благодаря рыжеволосому другу, все давно отвыкли.

– А ты, я так понял, и хотела поговорить в тишине, да?

– Ага.

– А чего так? Секреты?

Моя улыбка сделалась шире.

– Можно сказать и так. У меня к тебе вот какой вопрос – вопрос на засыпку. Каверзный очень.

– Говори уже, заинтригован.

Я хитро взглянула на расслабленного снайпера, шаркнула по мрамору гладкой подошвой тапка и прищурилась.

– Как думаешь, сможешь достать для меня отпечаток пальца Джона Сиблинга?

– Что?! Для кого? С ума рехнулась?...

Пять минут спустя, неспособный уложить в пределы своей фантазии мою бредовую идею, Эльконто все еще пыхтел:

– Да если он узнает, что я достал его отпечаток, он шкуру с меня сдерет!

– Сделай так, чтобы не узнал. Дай ему что-нибудь в руки аккуратно, потом заведи.

– Не учи ученого! Думаешь, я не знаю, как снимать отпечатки?

– Тогда проблем нет, так?

– Он уроет нас обоих, Ди. Джон – крутой перец, я имею в виду, он действительно жесткий мужик. Это тебе не Дрейк, не кто-то другой. Сиблинг начисто лишен чувства юмора. Если он поймет, что мы пытаемся его сосватать, он сосватает нас к дьяволу в ад, и если ты сможешь спрятаться за спиной своего возлюбленного, то меня прикрывать будет некому. А я даже представлять не хочу, на что он способен – наш зам. Мне его за последнюю неделю хватило, знаешь ли...

– Послушай, от тебя просто требуется достать отпечаток. И все. Думать, что делать дальше, буду я – на тебя никаких намеков.

– Угу, никаких. А ты при этом сильно рискуешь.

Я беззаботно улыбнулась. Иногда надо рисковать, и не так это страшно – скорее, забавно и будоражит кровь. Ну, узнаю я, существует ли для Сиблинга вторая половина, – и что с того? Это не криминал.

– А если она существует? Что будешь делать? Начнешь сводить их вместе?

– Больная я, что ли? Я просто дам ему имя и укажу, что это имя его второй половины.

Остальное, если захочет, он сделает сам.

– Да он тут все перевернет, чтобы выяснить, кто подложил ему имя.

– Ну, так и ему требуется разнообразие в жизни. Пуст ищет.

– А если найдет...

– Дэйн! Это шанс для твоего дня рождения состояться, ты ничем не рискуешь. И я тоже.

– Ну да!

– Я – телепортер, забыл? Я могу появиться и исчезнуть в выбранном месте за секунду.

– А камеры?

– А наш Логан?

– А их хваленые системы слежения?

– А наш Логан?

– Наш Логан не всемогущ.

– Зато почти. Я все продумаю. Посуди сам: что будет делать Джон, когда вдруг получит сообщение о том, что где-то в мире существует его вторая половина?

– Жопу порвет для того, чтобы порвать жопу тому, кто подложил записку.

– Да не найдет он зацепок! Зато не сможет избавиться от мысли, что хочет на нее посмотреть, – я тебе гарантирую.

– И что?

– Да то! Что ему станет не до отряда, не до тебя, не до вас вообще. Думаю, до приезда Дрейка он вообще думать забудет о половине своих обязанностей.

– Ты забываешь, что он представитель Комиссии – плевать ему на эмоции.

– На эмоции других – да, но не на свои собственные. Не верю, что он сможет с ними справиться. Никто не хочет быть один. Никто и никогда. Он пойдет туда – узнать, что это за женщина.

– В том случае, если она найдется.

– Да, если найдется. А если будка не выдаст результатов, то нам вообще не о чем волноваться, так?

Эльконто долго молчал. Я видела, с одной стороны ему не хотелось подставлять меня в этой аванюре – оно и понятно – мы все-таки друзья, а то и больше, чем друзья. Будь у меня на Уровнях брат, он был бы Дэйном. С другой стороны, весь отряд изрядно устал от пустых, но крайне жестких придинок и тестов Сиблинга, и попытайся мы его отвлечь, тем самым помогли бы не только себе, но и коллегам, а это приятно.

Риск все же существовал, и потому молчание моего собеседника длилось, длилось и длилось. Но я его не торопила – пусть примет решением сам. Дэйн – парень авантюрный и рискованный, и если уж кто-то и поможет мне, потому как сам же первым износит от любопытства, то это будет именно он – снайпер.

А пока тишина продолжалась, я рассматривала залитый оранжевым светом задний двор – идеально ровный газон, аккуратно подстриженные, похожие на шиповник, кусты, подметенные дорожки – этот дом любили. Здесь жили, наслаждались, делились друг с другом радостью – место излучало тепло.

Наверное, еще совсем чуть-чуть, и вернется Ани – мне позарез требовался ответ.

– Дэйн, так ты его достанешь или нет?

Тишина.

– Дэйн?

Скрип ножек шезлонга под грузным телом.

– Дэ-э-э-эй...

Кряхтение.

– Так мне самой?

И раздраженный голос:

– Слушай, Дрейк всегда реагирует на твое вот это протяжное «Дре-е-е-ейк»?

– Чаще всего.

«Но не всегда адекватно», – я мысленно улыбнулась.

– Блин! – снайпер подался вперед и нервно причесал ежик светлых волос пятерней. – Бл № буду, мы сильно вяпаемся, если эта будка выдаст результат.

– Может, и не выдаст?

– Но если выдаст, мы в заднице.

– Не мы, а Джон.

– Мы. Ты. Он. Кто-то в заднице окажется точно.

Я покачала головой и усмехнулась.

– Не мы, Дэйн. Это будем не мы. Но вот время проведем с пользой и удовольствием.

Он согласился – я видела это по азартно блестящим глазам и скривившемуся от того, что именно он собирался мне ответить, рту – Эльконто согласился.

* * *

Вечерний сад ласкали сумерки.

Тонул в синеве забор и сочная пока еще зелень, с каждой минутой меняло оттенки живописное, расчерченное кистью невидимого художника фиолетовое небо. На крохотном столике дымился горячий какао – в отсутствии Дрейка я любила встречать и провожать это время суток, сидя на балконе второго этажа с пледом на коленях. Плед мне нужен был не для тепла – на нем обожали по очереди лежать Смешарики.

Да-да, редкий момент, когда они позволяли себя касаться, гладить, когда тихонько нежились под человеческими пальцами. Сейчас на расчерченном квадратами покрывале их находилось трое – остальные отдыхали на специально постеленном Клэр коврик у моих ног; все вместе мы наблюдали закат.

Каждый раз, сидя здесь, я вспоминала одно и то же – каково это, быть без них. Жить в тихих комнатах, бродить по лестницам, ни об кого не спотыкаясь, не слышать по утрам пищалку-перебранку от телевизора.

Это случилось два месяца назад – они исчезли. Завершили, наконец, начатый ранее процесс превращения принесенного с Архана шара в Портал¹ и ушли в свою «Фуриандию». Не попрощавшись, никого не предупредив, – все сразу – просто взяли и растворились.

Переживала ли я? Конечно. Но мои переживания терялись на фоне того, что испытывала в те дни Клэр – она погасла. Сделалась тихой, молчаливой, непривычно угрюмой. Перестала улыбаться, ее еда потеряла вкус. Но каждый раз она, я знала это совершенно точно, вставала спозаранку, шла на рынок, покупала ягоды, ставила их в холодильник. Они пропадали, а она покупала их снова, они пропадали, она покупала снова – бесконечный и бесцельный тусклый круг.

Мы не знали, вернутся ли они. Хотели верить, что да, но так же надеялись, что на своей истинной родине, находясь среди сородичей, наши пушистые друзья обрели счастье. Наши Фурии, наши странные – не люди и не животные – любимые питомцы...

Помнится, этот дом в те дни потерял что-то живое, что-то очень ценное – часть того, каким он был. Я все еще любила его – всегда любила, – но в пустых коридорах чувствовала себя тоскливо. Как будто кто-то умер. В подвал не спускалась вообще, Клэр старалась лишний раз не тревожить, перестала ожидать от нее завтраков, старалась уходить пораньше и оставаться вдали подольше.

Шли дни. Однообразно тянулись недели.

А однажды утром, еще толком не проснувшись, – в тот день я ночевала здесь же – услышала грохот босых пяток по полу и удивительный почти нечеловеческий радостный визг. Спронсонья вывалилась в коридор и увидела престраннейшую картину – на кухню из собственной спальни неслась Клэр. Полуголая – в одной лишь сорочке, – непричесанная, с лихорадочно блестящими глазами, с расческой в одной руке и тюбиком крема в другой... А с кухни привычно кричали: «Лэр! Лэ-э-э-р! Ушать!»

Они вернулись.

Так же неожиданно, как и пропали. В том же составе и количестве, радостные и довольные, побывавшие на родной планете Фурии.

Радовались ли мы? Опять же, как и в случае с печалью, на фоне бешеного фейерверка эмоций экономки моя радость казалась детской и незрелой – подруга же спозаранку откормила

¹ События этого момента описаны в книге «История Бернарды и Тайры на Архане».

«потеряшек» так плотно, что те превратились в настоящие Сме-шары – пузатые, толстые, почти неспособные с пережору дышать. А она – Клэр – (я уже и забыла это зрелище) светилась от счастья.

Позже я пыталась осторожно расспрашивать пушистиков, каким было их путешествие – хорошо ли прошло, понравилось ли, почему вернулись? – но в ответ услышала немного: путешествие понравилось. Хорошо ли было? Хорошо. Почему вернулись? Затосковали. Да, вот так банально. В родном мире их не поняли, уговаривали остаться, но повлиять на окончательное решение не смогли – Смешарики пожелали вернуться.

– Насовсем?

– Угу, – ответили мне чинно.

И на душе стало спокойно – жизнь вернулась в привычное русло: чавканье у холодильника по утрам, шалости, игры перед телевизором. Превращения, грозящая шваброй Клэр, редкие погромы в комнатах...

С тех пор внешне изменилось немного, но многое изменилось внутри. Внутри нас – мы их ценили. Как никогда. Они были странными – плохо говорящими, со своей логикой, иногда вредные до невозможности, – но они были «нашими». Нашими Смешариками.

И изредка, вот как сегодня, позволяли гладить себя, лежа на мягком пледе, греясь на коленях. Вот так странно.

Хороший день. Насыщенный, но хороший.

Наблюдая за тем, как прячутся в объятьях подступающей ночи последние искорки закатного света, я размышляла о своей спине, о том, будет ли она еще болеть. Интересно, сколько понадобится времени на то, чтобы вылечить ее окончательно? Получилось ли у меня помочь ей этим утром – пусть не совсем, но чуть-чуть? Время покажет.

А еще плескалась внутри неуловимая, но ласково щекочущая свобода – свобода от слова «надо». От вечного «должна». Оказывается, это прекрасно – помнить, что никому я на самом деле ничего не должна. Что о маме я всегда заботилась исключительно потому, что любила ее, что постигать неведомое меня толкала вечная и неутолимая жажда к знанию, а вовсе не желание «не быть» хуже кого-то. Что стать прекрасней, лучше, увереннее в себе меня сподвигал живой перед глазами пример Дрейка, а не страх того, что он – Дрейк – вдруг уйдет, если я не изменюсь.

Бред. Как часто мы подменяем одно понятие другим и тоном в беспокойстве из-за ерунды. Сначала из-за ерунды, затем из-за настоящих страхов, следом паники. А после страдаем из-за многочисленных болезней, которые сами же в себе и породили.

Плохо, если не знать, как выбраться из замкнутого круга.

Хорошо, если знать.

Мой какао остыл, сад остыл тоже. На коленях, посапывая, дремали Смешарики.

Глава 3

Новое утро началось со стука дождевых капель по подоконнику, серости и свежести на улице, а также с неожиданной встречи, произошедшей чуть позже в Реакторе.

Обычно я хожу по ним одна – по многочисленным коридорам главного здания Комиссии, – служащие в серебристых костюмах попадают редко (или вообще не попадают – портируются они по кабинетам, что ли?), но в этот раз мне повезло – навстречу двигался Сиблинг.

И не один.

За ним, словно выводок на веревочке (если выводком можно назвать восьмерых бугаев под два или выше двух метров ростом), двигался отряд специального назначения – Рен, Халк, Дэлл, Мак, Аарон, Логан, Баал и Дэйн – из-за непогоды на улице все в легких кожаных куртках, плечистые, здоровые, огромные – отряд Терминаторов-моделей, ей-богу. Завидев меня, они или сдержанно кивали, или вскидывали руку, или улыбались; меня до того густо обдало ароматной волной дорогих парфюмов, что закружилась голова, – я улыбалась в ответ. Проходящий в самом конце Эльконто подмигнул – я сдержала ухмылку.

Угу, он чего-то задумал и воплотить это собирался, по всей видимости, сегодня. Держись, Джон, держись...

Дверь лекционного кабинета, где мы с виртуальным учителем занимались в последние дни, я толкнула с широкой на лице улыбкой.

– Что задумала?

– Ничего.

– А почему глаза такие хитрые?

– Можно же им иногда быть хитрыми?

– Ди, признавайся. Чую, я о чем-то не знаю и даже не догадываюсь.

– Приятное ощущение, не правда ли? Особенно когда последние пару тысяч лет ты все и обо всем знал.

Сколь пристально разглядывал меня с экрана Дрейк, столь же невинным был и мой ответный взгляд – чего, мол? Ничего не делаю, закон не нарушаю, в частные владения не вторгаюсь (пока) и, вообще, веду себя тихо.

– Ты точно что-то задумала. Вот знаю я это выражение на лице.

– Ну, ты же сам посоветовал чем-нибудь разнообразить это «золотое» время? Вот я и размышляю над некоторыми идеями.

– И за многие из них мне потом придется шлепать тебя по пятой точке?

– Надеюсь, что нет, – я невинно похлопала ресницами – вид дурочки мне никогда не шел, но попытаться стоило. – А можно, ты отшлепаешь меня по пятой точке не за идеи, а из любви?

– Любви к процессу?

– Любви ко мне.

Ему – Великому и Ужасному – так и не сумевшему допытаться до причины хитрого блеска моих озорных глаз, пришлось согласиться.

И началось занятие. В серьезное и строгое превратилось лицо на экране, по иному – сухо, деловито и глубоко – зазвучал голос; запорхала над тетрадью шариковая ручка.

– Бог есть Любовь. Это упрощенное выражение, конечно же, так как Бог – гораздо большее, нежели просто Любовь, просто концентрат разнообразного вида энергий, больше чем все, что человеческий разум может вместить и представить, – так было и так будет. Но выражение «Бог создал человека по образу и подобию своему» имеет под собой глубокий смысл, о корнях которого мало кто подозревает. Напрашивается вывод: если Бог создал человека по образу и

подобию своему, а Бог, как мы только что сказали, есть Любовь, то и душа человеческая в первооснове своей есть Любовь. Искра. Частица Бога. Его Любовь. Следилась за мыслью?

За мыслью я следила. Не сказать, однако, чтобы я могла предположить, во что она выльется, но слушала внимательно.

– Слежу.

– Хорошо. Итак, человеческая душа, будучи отделенной от Первоисточника и помещенной в физическое тело физического мира, всегда будет стремиться к одному – к обретению Любви. Какой любви? Любой, ибо Любовь и Счастье – это синонимы, как ты уже знаешь, чему я безмерно рад.

Я кивнула. Счастье действительно заключалось в Любви ко всему: себе, другим, миру, окружению, людям, – но неужели сегодня мы, наконец, говорим о позитивном, а не о стрессах, как в последние дни? Из следующего предложения выяснилось, что как раз о них же.

– Душа каждого человека стремилась и стремится к обретению Любви, но это, как выясняется, не так просто. Если есть физическое тело, значит, есть не просто чувства, но так же есть и Разум. А Разум, как нам известно, источник не только творения, но и разрушения, если он в должной степени не управляется. Давай перейдем к примерам и в качестве первого возьмем твой мир – родители, дети. На каком этапе, как ты думаешь, у ребенка впервые блокируется способность безусловно любить и появляется страх?

Я пару секунд размышляла.

– Сразу после рождения?

– Не совсем. Не сразу после рождения. Скорее, начиная с того момента, как только родители разделяют его единый мир понятиями «хорошо» и «плохо», опираясь на собственные о нем представления. Далее происходит следующее: если существует «хорошо» и «плохо», то «хорошо» делать правильно – за это любят и хвалят, «плохо» делать неправильно – за это ругают. И ребенком совершается самая первая в жизни ошибка, рожденная страхом «меня не будут любить, если я не буду хорошим», – начинается выслуживание любви. Более всего каждый ребенок на свете хочет одного – чтобы родители его любили. Но что происходит, если его поступки не соответствуют родительским ожиданиям? Отпрыском все больше завладевает чувство «меня не любят. Меня не любят. Меня не любят» – все, поток любви полностью блокирован. А родители что? Родители считают, что они в этом невиновны, ведь нельзя хвалить за плохое, нельзя любить за «неправильное» – нужно учить, воспитывать, направлять, ибо иначе в семье вырастет плохой человек, человек с неправильными понятиями. А далее в семье и вырастает плохой человек – может, не внешне, но внутренне, – потому что такой человек все время боится, потому что к тому моменту, когда он опережается, в нем уже слишком много стрессов. Слишком много, чтобы не притягивать к себе страдания и через них же учиться.

Дрейк говорил, я записывала. Где-то чиркала, думала, запоминала. Отчего-то было грустно. Падал с неба дождь, а перед глазами стояли полные мольбы детские глаза и протянутые вперед руки – «мама, полюби меня. Просто так. Ведь я твой, твой родненький...»

– Знаешь, что еще хуже того, о чем я только что рассказал?

– Что?

– Что все это начинается для детей много раньше – еще с внутриутробного развития. Чувствуя, что мать напугана, в стрессе или беспокойстве, малыш не может ей помочь никоим образом, кроме как поделиться собственной энергией. Пытаясь сделать жизнь родного человека лучше, он отдает ей часть своей Любви, своей жизненной силы, и самому ему потом для полноценного формирования здорового тела ее уже не хватает. Отсюда пороки, болезни, всевозможные синдромы, отклонения, а так же летальные исходы в виде замерших беременностей, кровотечений, выкидышей и так далее.

Мне стало еще грустнее – внутри что-то сжалось. Нет, Дрейк не так просто поднял эту тему – он поднял ее для чего-то конкретного. Вот только хотелось ли об этом слушать? Да, как

ни странно, хотелось. Хотя бы для того, чтобы уяснить для себя что-то важное, чтобы избежать, если это возможно, дальнейших ошибок, ведь однажды в будущем я хотела, чтобы внутри меня зародился, жил и развивался малыш. И, если сейчас не понять главного, долго ли он проживет?

– Значит, дети умирают из-за матерей? Из-за их страхов?

– Да, из-за своего желания помочь матери в ее проблемах.

– А матери потом винят врачей, ошибки, таблетки, Бога, природу или судьбу?

– Точно. Все, что угодно, кроме самих себя. Масштабы человеческого бедствия под названием «накопление стрессов» очень велики. Посуди сама: ребенок растет, пытается быть для родителей «хорошим», ломает себя, боится, ломает еще больше, пытается заслужить и выслужить доброе слово, но ему, если сами родители полны страхов и ненависти к себе, это едва ли удастся. Вырастая и выходя в свет, ребенок пытается выслужить эту самую «пресловутую» и такую нужную любовь хотя бы у кого-нибудь: у учителей, у одноклассников, у чужих взрослых людей, у собственной девушки/парня, в рабочем коллективе и так далее, и тому подобное. Если выслуживание не удастся, человек становится злым и постоянно ищет виновных. Любовь так нужна каждому, что люди готовы становиться интеллигентными, богатыми, знаменитыми, известными, а так же лжецами, льстецами, подлизами, подхалимами и даже убийцами. Они готовы носить маски, врать самим себе, унижать других, добиваться справедливости кулаками, разжигать во имя мира войны и умирать за мнимую свободу, не догадываясь о том, что умирают рабами. Почему так происходит? Потому что вымаливание у кого-либо любви – это рабство. Любовь есть у каждого внутри, и ее такое количество, что извне никогда и никому просить не придется. Но почему ее не видят? Почему не замечают собственного внутреннего света? Почему обрекают себя на страдания, боль и жертвы? Что блокирует в каждом человеке саму суть божественной любви?

Я молчала недолго. Ответила, не поднимая глаз и глядя на расчерченный клеточками лист.

– Страхи.

– Именно. Страхи.

Человек на экране кивнул. Я не видела этого, просто знала.

А после мы какое-то время молчали.

Мне почему-то казалось, что эта тема – тема человеческих стрессов, – тяжела и для него, для Дрейка. Почему? Может, потому что на своем бесконечном веку он видел их слишком много? Потому что имел возможность анализировать количество ошибок, на совершение которых людей толкали всевозможные страхи? Потому что перед его глазами стояли миллионы искалеченных «вымаливанием любви» судеб, одни и те же промахи, одни и те же проступки и, как следствие, одни и те же болезни? Как долго можно наблюдать за одним и тем же заиклившимся по кругу процессом? Долго. Наверное, в случае Дрейка очень долго. Вот только ему, вероятно, с каждым годом все грустнее, но это глубоко, этого не видно.

И, если от постоянного совершения людьми ошибок так грустно ему, то насколько должно быть грустно смотреть на нас сверху самому Создателю?

Я вздохнула.

Ну и тема. Но ее не пропустишь в виде череды несовершенных проступков, пока не пропустишь через себя, и, значит, нужно понять как можно больше.

– Расскажи мне.

– Что?

– Расскажи мне еще. О стрессах.

– О стрессах?

– Да.

– Не надоело?

– Нет.

Я решительно покачала головой.

– Упорная ты Бернарда. Даже когда тебе неприятно.

– За то и любишь.

– Да просто так я тебя люблю. Просто так. Потому что ты встретила. Потому что ты моя. Потому что ты есть в моей жизни.

Внутри стало тепло. Так тепло, как будто сердце завернули плед, а рядом поставили испеченную с добротой горячую булочку с корицей. Запахло счастьем.

– Я хочу это понять, Дрейк. Почему с людьми так происходит, как этого избежать, как научиться отпускать стрессы и лечить себя? Мне это нужно. И... я тоже тебя люблю.

Он смотрел с экрана так, как умеет смотреть только любимый мужчина – обнимая взглядом. И в эту секунду я в который раз осознала, что, если в жизни есть кто-то, способный так смотреть, значит, несмотря на сложность материала занятий, несмотря на трудности и препятствия в чем бы то ни было, все будет хорошо. Обязательно будет.

(Тем временем в одном из соседних кабинетов)

Несмотря на то, что Джон Сиблинг, которому никто и никогда не посмел бы прилепить прозвище или «погоняло», не отличался могучим телосложением – среднего роста, не широкий и не узкий в плечах, жилистый, но не особенно раскоченный, – ни один из сидящих за столом мужчин-гигантов никогда не решился поднять бы на него руку. Даже будучи бойцами, будучи профессиональными убийцами и теми, кто вообще редко перед кем-либо испытывал страх.

Только не на Джона.

И, увы, не только потому, что тот являлся представителем Комиссии и, значит, обладал огромными полномочиями, но так же потому, что именно этот представитель Комиссии имел наиболее сложный и бескомпромиссный в плане принятия мгновенных и жестких решений характер.

Гадкий характер.

Самый гадкий из всех, который Дэйн у кого-либо встречал.

Он, если бы мог, собственноручно удушил бы Сиблинга – подсыпал бы ему – нет, не яда, – но уж точно столько снотворного в стоящий на столе стаканчик с кофе, чтобы Джон следующие три века мирно проспал, не донимая, не наседая и не нервирова присутствующих в кабинете речами, которые никто не хотел слышать:

– Не думаю, что отсутствие на данный момент времени боевых заданий, должно снизить интенсивность вашей профессиональной подготовки. Верно? У вас, а точнее у нас, полторы недели для того, чтобы еще раз планомерно протестировать профильные навыки, выяснить, кто и в чем отстает, а так же по возможности наверстать упущенное.

«Планово».

Нифига не планово, ты, болван...

Дэйн старался даже думать тихо – заместитель Начальника каким-то непостижимым образом чуял дерьмо-мысли на расстоянии.

Планово должно быть только через четыре с половиной месяца.

Но снайпер промолчал.

– Вот ты, Мак, – обратился человек в серебристой форме к сидящему слева от Дэйна брюнету, – какой результат показал вчерашний тест по ментальному преследованию врагов?

– Девять из десяти.

Могучие руки Аллертона были сложены на груди, голова опущена, взгляд хмурый и исподлобья.

– Только девять. Из десяти, – серо-зеленые, отдающие льдом глаза Сиблинга сверлили охотника безо всякого смущения – скорее, с презрением. – Как получилось, что ты получил всего девять? Даже не девять с половиной?

– Семь из десяти обеспечивают допуск к работе.

– Семь из десяти! Что ж, давайте теперь допускать к работе новичков и дилетантов. Семь – это нижняя отметка, хочешь до нее скатиться? Неужели в тебе нет ни капли самолюбия?

Даже со своего места Эльконто слышал, как скрипнули зубы соседа, но тот, как и он сам, предпочел отмолчаться – восставать против Джона было опасно.

– Будешь проходить дополнительный тест в конце недели – у тебя три дня на переподготовку. И, если я не увижу хотя бы девять и семь, будешь проходить его вновь и вновь.

По кабинету прокатилась ощутимая волна неприязни. Сиблинг не обратил на нее ровным счетом никого внимания.

– А ты, Аарон? – равнодушные глаза обратились на стратега отряда – коренастого мужчину со светлыми волосами и шрамом на виске. – Что показал твой тест «тактического группового планирования операций»?

– Восемь.

– Восемь.

Прозвучало это слово так, будто раздражительная мамаша вскинула руки, посмотрела на малыша и отрезала: «Ну вот! Опять ты обосрался!»

– Почему восемь? Тебя от семи вообще отделяет только балл. Вы о чем думаете? Вы, все? Дрейк вас, похоже, совсем распустил.

Эльконто, который все это время незаметно тер под столом экран принесенного с собой планшета, принялся возюкать маленькой тряпкой по экрану в два раза интенсивнее.

Распустил? Это ты, мудака, превратил бы нас в стальных роботов без души и эмоций, а Дрейк при всем том дерьме, в котором мы ежедневно варимся, помогает остаться нам людьми. Людьми!

– Ты хочешь что-то сказать, Дэйн?

Взгляд-сканер прожег дырку во лбу Эльконто.

– Никак нет.

– И что ты делаешь там под столом? Дружка поглаживаешь? Помогаешь себе проснуться?

В другой ситуации кто-нибудь засмеялся бы, но не в этой – против Сиблинга, а, значит, автоматически на стороне Дэйна были все. Все без исключения.

Снайпер прекратил тереть планшет, замер. Теперь он смотрел на заместителя, как до того Мак, – исподлобья.

– Ты в курсе, что через двое суток тебе предстоит тест «стрельба по подвижным целям из снайперской винтовки»?

– Я к нему готов.

– Готов? Тоже на семь баллов? Или на шесть и девять, что почти допускает к работе?

Нет, скрутил бы кто-нибудь ему шею! Наглый недоношенный ублюдок! И это ему Бернарда предлагает найти вторую половину? Да ему собственная вторая половина подсыплет яду уже после первой брачной ночи. Если не «до».

– В общем, по моему мнению, дела у вас плохи. У всех. И поэтому я подготовил предварительное расписание занятий на полторы недели вперед – предлагаю с ним ознакомиться.

Взмах руки в серебристой форме, шорох куртки с белой полосой, и рядом с Сиблингом из ниоткуда в воздухе появился полупрозрачный экран с текстом.

Любитель дешевых эффектов.

Вот именно на них – на дешевых эффектах, а, точнее, на любви Джона к излишней показушности, – Дэйн и планировал сегодня сыграть. Но стоило бросить взгляд на голограмму, как мысли о мести и спасении своего дня рождения напрочь вылетели из его белобрысой головы.

– Что за...?

Что за «нахрен»? Кажется, кто-то произнес это за него вслух, а все потому, что перед глазами присутствующих мелким плотным шрифтом красовалась таблица со следующим содержанием:

Сентябрь четвертое:

11.00 – Силовая подготовка.

14.00 – «Маскировка и оборудование укрытий. Скрытое наблюдение».

17.00 – Подготовка к тесту по специализации.

Сентябрь пятое:

10.00 – «Минно-подрывное дело».

13.30 – Техника безопасности на стрельбище.

16.00 – Ведение боя без оружия.

Сентябрь шестое:

10.00 – Тест на зрительную память.

14.00 – «Средства связи и аудиотехника».

17.00 – Опасные броски/Противодействие броскам.

Сентябрь седьмое:

11:00 – Тактическая подготовка.

13.00 – «Действия в чрезвычайных условиях аварийной обстановки».

16.00 – Кросс на преодоление естественных и искусственных препятствий.

...

Список длился, длился и длился. При виде его лица членов отряда вытянулись, рты открылись, а в глазах застыло теперь уже явно различимое негодование. Черт, да при таких условиях они не будут видеть ни дома, ни родных людей, ни даже банально иметь время на подготовку или отдых. Слово «сволочь» невидимыми, но крупными буквами всплыло над головами и зависло под потолком.

Джон ухмылялся.

– Да, здесь все расписано до четырнадцатого числа...

«Четырнадцатого у меня день рождения!»

Блин! От нервозности Дэйв вновь принялся тереть и без того уже давно чистый экран отключенного гаджета.

– Тест на сенсорику, «передвижение в особых условиях», акробатическая подготовка, психологическая подготовка, техника метания, ножевой бой, стрельба в движении в условиях плохой видимости, – шептали губы снайпера, пока глаза метались от строчки к строчке, – «выход из группы противников», «водолазное дело»...

Черт, на кой ляд им водолазное дело?! У зама вообще крыша поехала? Да тут же ни минуты покоя!

А Сиблинг, тем временем, выглядел крайне довольным собой.

– До возвращения Дрейка у вас как раз будет время, чтобы освежить в памяти основные дисциплины, – где-то навестать, где-то поднажать, где-то вспомнить, как «оно должно быть» – все на пользу, уважаемые, все исключительно для вас, не для меня.

Нет, они определенно должны нанять для него киллера. Из соседнего отряда или соседнего мира – неважно.

«Или найти ему бабу».

– Как вы видите, я не упустил ничего – в расписание занятий будут включены все важные предметы, такие как физические нагрузки – различные виды и приемы ведения боя, – и ментальные дисциплины: ваши узкоспециализированные тесты, тесты на память, психологическая подготовка и так далее. Конец следующей недели, начиная с пятницы по воскресенье, завершит трехдневный кроссфит в полной боеготовности, где вам предстоит показать лучшее время и результаты на скорость, выносливость, ловкость и...

Далее Дэйн уже не слушал – трехдневный кроссфит в конце недели? Который закончится как раз в его день рождения?

Перед глазами тут же всплыла красочная картина: целый день, начиная с самого утра, Ани будет колдовать у плиты – готовить салаты, первое, второе, закуски, десерты. Будет напевать под включенный на подоконнике радиоприемник и пританцовывать в переднике, кухня наполнится изумительными ароматами, а в окно будет светить яркое ласковое солнышко. Да-да, в этот день обязательно будет светить солнышко – как же иначе? Будет выпрашивать у ее ног кусочек вкуснятины Барт, а как получит его, будет ежечасно проверять, не вернулся ли хозяин? Ходить к дверям, сидеть в коридоре, а после лежать, положив голову на лапы...

Барт будет ждать, а хозяин не придет – потому что у него, б№я, кроссфит. Потому что домой он вернется только под вечер – грязный, уставший, разбитый физически и морально, – придет и сразу завалится спать. Потому что ему – хозяину – будет не до гостей – таких же уставших, как и он сам, бойцов, – не до вкусных закусок, не до Ани и ее обиженного лица – ему вообще будет НИ ДО ЧЕГО. А все потому что Джон! Потому что гребаный Сиблинг решил, что трехдневный кроссфит в конце недели – идеальный для всех вариант, в рот его сапогом!

И ведь не поднимешься, не захнычешь: «Я не могу принять участие – у меня день рождения-я-я...» – рассмеется так, что стены трещинами покроются. А потом в отместку уплотнит расписание настолько, что у них даже ночью свободной минуты не останется. А все для того, чтобы по возвращению Дрейка отчитаться с гордой улыбкой на лице – мол, «вот я какой молодец! Гонял их в твое отсутствие, как мог – все на пользу».

«Мудила. Кондом из низкопрофильной резины. Вонючий серебристый носок в горошек и с дыркой...»

Эльконто был готов плевать пламенем. Но вместо того, чтобы выразить хоть толику раздражения, которое в эту секунду испытывал, он включил планшет, достал его из-под стола и обратился к стоящему у стола человеку заискивающим тоном:

– Джон, ты мог бы скинуть это расписание мне сюда файлом? Боюсь забыть время и что за чем идет...

– А ручки в наш век кончились? Или боишься руки перетрудить? Почему без блокнота?

Снайпер покрылся испариной – его отчитывали, как младшеклассника, – план грозил провалиться. Но тут голос подал Дэлл, который сам того не зная, неожиданно спас ситуацию.

– Да тут записывать это все полдня. Джон, скинь это Дэйну, мы потом у него перепишем.

– Ага...

– Так гораздо удобнее.

– А то сидеть нам тут, как секретаршам, до самого вечера.

Последним высказался Рен, и это сыграло решающую роль – склонный-таки, к декоративным эффектам Сиблинг, совершил короткое движение рукой, и висящая в воздухе таблица поплыла по направлению к планшету. Достигла полированной поверхности, впиталась в нее – погрузилась, как затонувший корабль в морскую пучину, – и на экране тут же высветилась надпись: «получен 1 новый файл».

Дэйн мысленно запрыгал на заднице. Теперь главное: нужно срочно найти изъян в расписании. Чтобы указать на него Сиблингу, чтобы передать планшет в руки, чтобы план удался...

Но где же он? Где недочет в расписании?

Снайпер редко волновался или чувствовал беспокойство, но сейчас однозначно ходил по краю пропасти – сердце стучало, как бешеное, лоб взмок, глаза метались по строкам, словно шальные, мозг булькал котлом со снадобьем.

«Среда... Четверг... Пятница... «Вождение автомобилей», «Уязвимые точки тела и болевые приемы», «Классификация мин» – черт, это вообще только для Дэлла... Ну где же это?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.